НАТАЛЬЯ ИЛЬИНА

СЛЕПАЯ ЗОНА

— ДЕТЕКТИВ-ТРИЛЛЕР —

Путеводная нить. Психологический детектив

Наталья Ильина

Слепая зона

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ильина Н. Н.

Слепая зона / Н. Н. Ильина — «Издательство АСТ», 2023 — (Путеводная нить. Психологический детектив)

ISBN 978-5-17-152364-0

Незрячая Светлана становится единственным свидетелем хладнокровного двойного убийства. В силу своих особенностей она замечает то, что не под силу заметить даже самому лучшему следователю, такому, как капитан Дежин. Поверит ли ей прагматичный капитан? А что, если неприятности только начинаются и вскоре Светлана может стать единственной ниточкой не только к убийце, но и к спасению многих человеческих жизней?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-152364-0

© Ильина Н. Н., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть первая 6
Глава 1 6
Глава 2 10
Глава 3 14
Глава 4 21
Глава 5 26
Глава 6 30
Глава 7 35
Глава 8 39
Глава 9 42
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Наталья Ильина
Слепая зона

© Ильина Н., 2023
© ООО «Издательство «АСТ», 2023

Часть первая

Невидимое зло всего тревожней.
Публий Сир

Глава 1

Обожаю конец апреля! Птицы разноголосо празднуют возвращение тепла, потрескивают почки под напором свернутых в тугие жгутики молоденьких листьев, а вместо унылого шарканья плоских зимних подошв по ледяной коросте по тротуарам начинают весело постукивать каблучки…

Я прикрыла глаза, подставляя лицо под щедрую ласку солнечных лучей, бьющих в окно. В маленьком кафе на углу пахло свежемолотым кофе и ванилью. За стойкой басовито гудел, подпевая негромкой музыке, какой-то аппарат. Бармен Денис непрерывно писал эсэмэски, его айфон стрекотал, как обезумевший кузнечик, пытаясь угнаться за проворными пальцами хозяина. Мне было хорошо за привычным столиком у окна – тепло, уютно, спокойно. Я выбиралась сюда не реже трех раз в неделю в любую погоду просто посидеть, выпить чашечку кофе и отдохнуть после утренней прогулки в парке.

Дверь распахнулась слишком резко, до упора, так, что затейливый железный вензель на ручке с хрустом ударился о стену. Вломившийся в кафе человек тяжело, с присвистом дыша, проскочил мимо меня и рявкнул Денису:

– Запасной выход есть? Где?

– Чего? – начал было возмущенный Денис, но дверь распахнулась снова и в маленьком помещении дважды бахнуло так, что у меня зазвенело в ушах.

Но даже сквозь звон было слышно, как тяжело рухнул первый посетитель, как, жалобно звеня, посыпалась за стойкой посуда, которую снес собой падающий Денис. Я не могла увидеть стрелка, но точно знала, что теперь оружие направлено на меня – мерзкий холодок пополз по спине. Судорожно потянувшись к спинке свободного стула, куда обычно прислоняла трость, я неловко зацепила ее трясущимися руками, и легкая алюминиевая трубка с дребезгом заплясала по стыкам мраморных плит. Совершенно не соображая, что делаю, я сползла на пол и зашарила по нему руками, униженно, суетливо и очень, очень беззащитно.

Он все не стрелял. Пауза, занимавшая в реальном времени секунды, для меня растянулась в мучительную бесконечность. Я водила трясущимися руками по холодным плитам, словно обретение трости могло каким-то магическим образом остановить неизбежное.

– Слепая, что ли? – голос стрелявшего, низкий, грубый, я расслышала, словно сквозь вату.

В мозгу полыхала паника, подкрепленная пороховой гарью и жутким, ни на что не похожим запахом крови, таким тошнотворно-приторным, что у меня сжался желудок. Вот так, на прицеле, в коленно-локтевой, из меня и вывернулся только что выпитый кофе вместе со свежим рогаликом. А нависший надо мной убийца хрипло хмыкнул, коротко хохотнул и… исчез, аккуратно притворив обе двери, внутреннюю и наружную.

«…одиночество – сука!» – яростно сообщила Слава под последние аккорды песни. Тихим баском подгудел ей автомат за стойкой. Отрезанная от внешнего мира толстыми стеклами витрины и двойными дверьми трагедия, разыгравшаяся в крохотном зале кафе «Уют», не привлекла к себе никакого внимания. Я сидела, пытаясь унять дрожь. Колени больно упирались в неровный пол. Нужно было что-то делать, куда-то бежать, звать на помощь, но поше-

велиться не получалось. В тот момент мне казалось, что стоит сделать хоть что-нибудь, и произошедшее станет необратимой реальностью, а пока я не шевелюсь – все может еще каким-то образом исчезнуть, отмотаться назад. Это был шок, разумеется. И он прошел.

– Один-один-два, – прохрипела я голосовой набор, – кафе «Уют» на Варшавской. Здесь стреляли, два человека ранены… или убиты.

Девушка-оператор принялась о чем-то спрашивать заученной скороговоркой, но я, не слушая, оборвала звонок, пытаясь уловить звук дыхания, стон, хрипы – хоть что-нибудь. Но ничего, кроме негромкой музыки и шмелиного гудения неизвестного аппарата, не нарушало тишину. Стрелок не промахнулся. Вцепившись в трость двумя руками, старясь не вляпаться в собственную блевотину, я тяжело, по-старушечьи, поднялась на ноги. В нескольких шагах от меня лежал мертвый незнакомец, а за стойкой – Денис, которого я знала почти два года…

Я сделала всего один неуверенный шаг и замерла. Мне почудилось движение впереди. Ничего конкретного, просто ток воздуха, легкий ветерок, которому здесь было неоткуда взяться – кондиционера в «Уюте» не было. К трясущимся рукам добавились и ноги – колени странно ослабели и мелко, противно задрожали. Продолжая напряженно вслушиваться, я сунула руку в карман и вцепилась в телефон, как будто пластиковая коробочка могла помочь избавиться от ужаса, пронзившего позвоночник ледяной стрелой. Шок и страх не позволяли мыслить трезво. Как там учил меня профессор Лазарчук?

«Сконцентрируйся, Светочка, сосредоточься…»

Слепо таращась во тьму перед глазами, я почти перестала дышать. В маленьком зале определенно был кто-то еще, кроме меня и двух мертвецов. Он не издавал звуков, но я была абсолютно уверена, что он сейчас находится над телом незнакомца и совершает быстрые, короткие рывки. Воздух вокруг загустел, словно превратился в кисель, и в этом киселе расходились тяжелые волны чужих движений. Кто-то заставлял кисель колыхаться, становиться еще гуще вокруг себя, словно выдавливал, спрессовывал его своим присутствием.

– К-кто т-тут? – заикаясь от испуга, пискнула я и не узнала собственный голос.

Чужак замер на миг и продолжил свое занятие, резко ускорившись.

– Эй! – Я подняла алюминиевую трость, внезапно потяжелевшую до чугунной, и неуклюже взмахнула перед собой.

Чужак беззвучно дернулся и плавно переметнулся, перетек, соскользнул за стойку, к Денису.

Ну, нет! Все еще не понимая, кто и как мог оказаться в кафе, кроме нас троих, я пошла вперед. Позволить ему обшаривать тело Дениса я не могла! Где же проклятая полиция?

Дойти до стойки не успела. Оставалось два последних шага, но пропал всякий смысл их делать – внезапно чужак исчез. Пропал. Растворился в воздухе. Только что был – и вот его уже не стало. Вместе с ним исчезло гнетущее ощущение холодка в позвоночнике и густоты окружающего пространства. Я растерянно застыла посреди зала, слушая далекий вой полицейской сирены. Медленно-медленно до меня начала доходить пугающая правда. В кафе никто не входил. Исчезнувший вовсе не был человеком. Что бы он из себя не представлял, никакого отношения к людям не имел. Не дышал. Не издавал ни единого звука – я расслышала бы и стук сердца, не говоря уже о шагах. Передвигался по воздуху, и вообще – теперь казался мне совершенно бесплотным. Я попятилась и, поскользнувшись, неловко приземлилась на край отставленного стула. В таком виде меня и нашли ворвавшиеся в кафе полицейские.

– Светлана Петровна, вы меня слышите?

Я очнулась и поднесла к губам стакан с водой. Зубы стукнули о стеклянный ободок, тонкая струйка скользнула по подбородку ледяной змеей. Вокруг топотали и переговаривались люди. Щелкал фотоаппарат, шуршала бумага и полиэтилен, какой-то Василий все не мог отыс-

кать вторую гильзу и, негромко чертыхаясь, по пятому кругу побрел вокруг стойки, а этот настырный капитан «Как-его-там» продолжал задавать мне одни и те же вопросы.

– Слышу. Она с правой стороны от стойки, наверное, укатилась под дверь в туалет, – устало сообщила я капитану.

– Что?

– Гильза. Я слышала, куда она поскакала. Маленькая железка. Сразу после выстрела.

Капитан озадаченно помолчал. Я ощущала на лице его взгляд. Скорее всего, он был недоверчивым.

– Василий, в туалете смотрел?

– Нет. Как она могла туда… – Василий затопал к узкой двери в самом углу зала. – Вот черт! Точно! Здесь она, милая моя.

– Та-ак, Светлана Петровна… – протянул капитан.

Я вздохнула. Из слепой, перепуганной насмерть и бесполезной для следствия идиотки я превратилась для него в ценного свидетеля. Сама виновата.

– Продолжим. Вы утверждаете, что нападавший был один, жертву не окликал, а вторая жертва, бармен Иванцов, был убит как свидетель преступления. Тогда почему же он не пристрелил и вас, Светлана Петровна?

Мы сидели за столиком давно. Сначала в кафе появились полиция и «скорая», и только потом приехали следователь и еще какие-то люди. Я отчаянно хотела домой, чтобы забраться с головой под одеяло и не чувствовать с каждым вдохом запах крови. Не думать, как быстро и необратимо холодеют тела незнакомца и несчастного Дениса Иванцова, которые упаковывали в хрустящие пластиковые мешки за моей спиной.

– Спросите его, когда поймаете, – устало ответила я дотошному капитану.

От него пахло табачным дымом, не слишком свежей одеждой, слабо – дешевым мужским парфюмом. Неустроенностью в личной жизни от него пахло. Он был небрит и часто тер щетинистый подбородок, а я слышала сухое похрустывание отросших волосков. Не стоило мне, конечно, ему грубить, но я так устала…

– Спрошу. Но сейчас я спрашиваю вас.

– Не знаю. Он увидел, как я ползаю по полу за своей тростью, и рассмеялся. Ему это показалось забавным. Он не боялся наказания, капитан. Он был более чем спокоен. А вот убитый был напуган очень сильно. У страха есть запах, знаете? Здесь до сих пор пахнет страхом.

Я не стала сообщать, что половина этого запаха – моя. Прежде чем заберусь под одеяло, следует сходить в душ и смыть с себя эту липкую, душную тяжесть.

– Хорошо. Что вы еще запомнили об убийце?

– Ничего. Сейчас я не могу вам сказать больше ничего.

Я едва шевелила языком. В голове тоненько звенела пустота. Все чувства, даже раздражение на въедливого капитана, покинули меня разом. Не в силах больше удерживать невидящий взгляд на собеседнике, я закрыла глаза.

– У меня там дочь! Она инвалид, пропустите немедленно!

Моя мама с полицией церемониться не стала. Она прорвалась через охрану и влетела в кафе маленьким, но мощным ураганом.

– Доченька!.. – Это мне. – Как вам не стыдно! – Это – капитану. – Боже мой, вы держите ее здесь, среди трупов, как преступницу! Да как такое возможно? Вы что, совсем не понимаете ничего, да? Ну, я вам устрою! Света, вставай! – снова мне. – Мы уходим немедленно!

Оторопевший капитан еще только пытался вставить слово в гневную тираду моей мамы, а я уже оказалась поднята на ноги сухими маленькими, но сильными маминими руками, мне была вручена трость и задано направление движения – она развернула меня к дверям, как будто я сама не смогла бы найти выход.

– Ребенок – инвалид! Как вы смеете издеваться!..

– Ваша дочь – свидетель двойного убийства. Пока – свидетель. И она не ребенок, ей двадцать четыре года, а инвалидность нужно еще подтвердить, – пришел в себя капитан.

«Напрасно…» – успела подумать я до того, как маленький вулкан – моя мамочка – взорвался, затопив кафе волнами праведного материнского гнева.

Она вырастила меня одна. Когда я заболела, мама бросила все и целый год посвятила тому, чтобы я смогла увидеть и запомнить как можно больше. Она возила меня к морю, водила по музеям, мы ездили в тайгу и в аравийскую пустыню, встречали восход на краю земли во Владивостоке и кормили зверей в зоопарке Джеральда Даррелла на Темзе. Отец не выдержал, когда ради этих поездок она решила продать большую квартиру своих родителей в центре и перебраться в хрущевскую двушку здесь, у черта на рогах. Он нас бросил.

Я начала слепнуть в семь лет. К девяти уже не различала границ света и тени. Сколь угодно яркого света, хоть прожектор в глаза направь. В одиннадцать слышала, как по полу бежит таракан. В двенадцать могла прихлопнуть его, не промазав, но никогда этого не делала – таракан тоже жить хочет, между прочим! Обоняние обострилось чуть позже, так же, как и умение выделять нужные звуки из навязчивой какофонии окружающего мира. Такая компенсация вовсе не редкость, скорее, норма, просто в моем случае оставшиеся чувства обострились настолько, что однажды мама привела к нам профессора Лазарчука. Она была уверена, что у меня открылся особенный дар. Я же была уверена, что Лазарчук – садист и шарлатан. Фанатик помешанный. Профессор поначалу согласился с мамой и с энтузиазмом взялся за меня, а потом я его разочаровала. Никаких особенных способностей у меня не оказалось.

Глава 2

Остаток дня почти не отложился в памяти, но и наутро легче не стало. Я позавтракала и ускользнула к себе, а мама, против обыкновения, не стала тормошить меня расспросами. Свернувшись калачиком под тяжелым китайским пледом, я с горечью размышляла о том, что профессор Лазарчук оказался прав: там, где он пытался с помощью таких, как я, отыскать присутствие чего-то необычного, невидимого приборам и органам чувств обычного человека, что-то действительно было. И это что-то явно интересовалось мертвецами.

Поджав колени к самому подбородку и часто дыша, я пыталась справиться с внезапным ознобом.

– Нет. Не сегодня. У вас совесть есть, вообще?..

Мама старалась возмущаться негромко, но я все равно прекрасно ее слышала. И даже слышала низкий рокочущий басок собеседника, что-то втолковывающего ей в трубку. Неожиданно мама сдалась:

– Хорошо, я спрошу.

Она тихонько приоткрыла дверь в мою комнату.

– Светочка, ты спишь?

– Нет.

Высовывать голову из уютного и безопасного подпледного мирка не хотелось.

– Представляешь? Этот капитан Дежин мне сейчас угрожал! Он настаивает на разговоре с тобой. Заявил, что может привезти тебя на допрос в следственный комитет под конвоем! Пришлось разрешить ему заехать к нам, я только не сказала когда.

Переубедить мою маму?! Я вынырнула из-под пледа. Воздух в комнате был прохладным и свежим. За окном весело распевала какая-то пичуга. Жизнь продолжалась.

– Да пусть приходит когда хочет, мам. Все равно ведь не отстанет. Работа у него такая, – обреченно согласилась я и спустила ноги на пол.

Под пледом можно было спрятаться от чего угодно, но только не от себя самой.

– Добрый день, Светлана Петровна.

Сегодня капитана окружал целый букет противоречивых ароматов. Свежая рубашка, остро пропитанная запахом стирального порошка – я едва не чихнула, – так и не смогла до конца замаскировать унылую вонь табачного дыма и отчего-то – железа, которая шла от затасканного свитера. Шерстяного. Шерсть и хлопок я распознавала безошибочно. Капитан побрился, и запах лосьона смешивался с кофейным ароматом. Судя по отчаянной попытке сдержать зевок, он мало спал и много курил прошедшей ночью.

Я задержалась с ответом всего на несколько секунд:

– Здравствуйте, капитан! Простите, не запомнила вашего имени.

– Максим Сергеевич. Не извиняйтесь, я вам его не называл.

Капитан сел к столу. Старый и полукруглый, огрызок бабушкиного обеденного, он примыкал к подоконнику с тех самых пор, когда мама еще не доверяла моим способностям ориентироваться в пространстве и старательно оберегала меня ото всего, что имело острые углы.

Капитан не спешил начинать свой допрос, оглядывая комнату. Было слышно, как поскрипывает под ним стул, как хрустнул позвонок в шее. Что он медлит? Не знает, с чего начать? Странно, вчера он не показался мне деликатным.

– Тамара Георгиевна прислала мне подтверждение вашей инвалидности.

Я хмыкнула. Мама даром времени не теряла.

– Мы обязаны рассматривать все версии, в том числе и ту, в которой вы стали бы подозреваемой, понимаете?

– Конечно-конечно, – кивнула я, самым нахальным образом уставившись ему в лицо.

Люди дышат. Чаще всего – носом. Я слышу и просто поднимаю глаза чуть выше. Это сбивает с толку, ведь мои глаза выглядят вполне привычно: не запали, не высохли, не затянулись бельмами – обычные серые глаза с черной точечкой зрачка. Многие ли способны заметить, что он неподвижен? Посторонний человек запросто мог обмануться, если не знал, что я слепа как крот, хотя на тренировку этого умения и ушли годы. Когда-то мне было очень важно казаться такой же, как все.

Если мне и удалось его смутить, то он этого никак не проявил, продолжив тем же тоном:

– Вчера мне показалось, что вы могли бы что-то сказать о стрелке, но были не в состоянии этого сделать. Вам уже лучше?

Ежику понятно, что никакого беспокойства о моем здоровье, душевном или физическом, капитан не испытывал. Его грызли досада, усталость и нетерпение. Где-то разгуливал наглый убийца, а единственный свидетель преступления оказался инвалидом по зрению! Ничего этого он, конечно, не сказал, но я кожей ощущала его настроение, что было довольно странно. Хорошо знакомых людей я могу читать, как книгу, безо всяких усилий, но Максима Сергеевича Дежина встретила только вчера.

– Со мной все хорошо, в отличие от Дениса. Я хотела бы вам помочь, но чем?

Он замялся ровно на секунду.

– Не знаю, каким вы воспринимаете окружающий мир, но фокус с гильзой меня впечатлил. Что-то же вы могли заметить, Светлана Петровна? Дайте преступнику характеристику, какую сумеете.

Теперь пришла моя очередь замяться. Я половину ночи перебирала вчерашнее в памяти. Пришлось с сожалением признаться:

– Я заметила не так много, как могла бы. Убитый, тот, второй, не Денис, влетел в кафе неожиданно, отвлек мое внимание, и я плохо запомнила появление стрелка. Крупный мужчина. Рост выше среднего. Тяжелый шаг, значит, полноват. А может, накачанный, не могу сказать. Двигается ловко, быстро. Он стоял надо мной с минуту, значит, не спешил и не боялся быть пойманным. Знаете, – вздрогнула от воспоминания, – он меня рассматривал, как… насекомое. Хладнокровный человек. Не жестокий, не маньяк – если бы он испытывал удовольствие от убийства, мы бы с вами не разговаривали. Просто не счел меня достойной даже пули.

Я замолчала, запнувшись на последних словах. Озвученное предположение выглядело еще более обидным.

– И все это вы успели заметить под дулом пистолета, пока вас рвало от страха? – поинтересовался капитан, прекратив записывать.

– Это не все. Запах. Очень необычный, густой, похожий на какую-то химию, но не ядовитый… Незнакомый запах, мне не с чем его сравнить. Он так плотно к нему прилип, что показался мне очень сильным. Точно так же пах и тот человек, за которым гнался убийца.

– Потрясающе, – капитан говорил искренне. – Вы смогли бы опознать убийцу?

– По голосу – точно. И по запаху. Такое быстро не смыть.

– Хорошо. Но я должен убедиться, что вашим наблюдениям можно доверять, уж не обижайтесь. Что вы можете сказать обо мне, например?

Я снова как бы посмотрела ему в лицо. Однако! Но ведь сам напросился?

– Вам немногим больше тридцати, но выглядите старше. Особенно когда не успеваете побриться. Жены нет, но скорее всего была и сбежала. Живете один. Много курите, в основном в машине и дома. Много кофе и иногда – алкоголь. Работу свою любите и ненавидите, но не гордитесь ей. В кабинете сидеть – не ваше, поэтому следующее звание вам не светит. Вам должен был позвонить кто-то важный, но вы выключили телефон, чтобы не сбивать меня. А еще вы бы с удовольствием покурили уже раз пять. Можете сделать это на балконе.

Он присвистнул, как мальчишка. Постучал ручкой по разложенным на столе бумагам, в которых записал все, что я рассказала о стрелке.

– Где у вас балкон?

Можно подумать, он мог не заметить его в соседней комнате, проходя мимо! Поднялись из-за стола мы одновременно.

– Знаете, Светлана Петровна, – начал капитан, жадно втянув в себя дым недорогой сигареты.

– Можно просто Светлана.

– Согласен. Вы меня так изучили, словно мы сто лет знакомы. А глядя на вас, и не подумаешь, что вы ничего не видите. Совсем ничего?

– Ага, – кивнула я, прижимаясь спиной к нагретой весенним солнцем стене. – Я – тотал, абсолютно слепая. Так я угадала?

– Ну… – Он выдохнул изрядную порцию дыма, стараясь, чтобы ветер относил его в сторону от меня. – Практически. Но вот про звание – было досадно. Хотя вы оказались правы и тут. А откуда узнали про звонок?

– Это совсем просто, Максим Сергеевич. Когда вы не пытались нащупать в кармане пачку сигарет, вы прикасались к другому карману, с телефоном. А звонок я слышу, даже если вы снизили его громкость до нуля. Он звонил четыре раза. Может, вам стоит ответить? Я подожду в комнате.

– А, – взмахнул он рукой, то ли отгоняя дым, то ли отмахиваясь от моего предложения, – перезвоню позже. Что вы делали в том кафе?

– То же, что и всегда – пила кофе. С рогаликом. Я часто туда захожу… Заходила.

Вот тут оно меня и догнало. Ощущение необратимости произошедшего. Болезненно четкое понимание того, что жизнь никогда не станет прежней. Что я вряд ли захочу возвращаться с прогулок этой дорогой снова, что никогда не услышу бодрого: «Привет, Светик!» – от Дениса и ни за какие коврижки не зайду снова в «Уют». По телу побежали мурашки. Я скрестила руки на груди и ссутулилась, опустив плечи. Это не укрылось от глаз капитана.

– Что случилось?

– Случилось? Убили двух человек. Вам-то наверняка не привыкать!

– О! Разумеется, у меня толстая шкура. Так ведь считаете?

– Мне нет дела до вашей шкуры, Максим Сергеевич.

Настроение откровенничать с капитаном исчезло, и даже его «можно – Максим» не спасло положения. Я вернулась в комнату.

– Все в порядке? – осторожно прошептала мама, немедленно появившись в дверях.

– Да, – ответила я громко. – Максим Сергеевич уже уходит.

– Мне действительно уже пора, – подтвердил капитан. Я молча слушала, как он закрывает балконную дверь. – Только сначала нужно подписать протокол опроса. Вы можете это сделать самостоятельно, Светлана? Я зачитаю…

– Не надо зачитывать, – буркнула я. – Будем считать, что я вам верю. Где ставить подпись?

– Я обязан зачитать его вам, такие правила.

Закончив перечислять все, о чем мы только что говорили, он зашуршал бумагами, пристраивая листы на мамином письменном столе. Я подошла ближе и вдруг почувствовала, как жесткая, сухая, немного шершавая ладонь накрыла кисть моей руки. В пальцы ткнулась ручка.

– Вот здесь. С моих слов записано верно… Мною прочитано… Этого не надо! И подпись.

Я вытянула тонкую металлическую линейку из стаканчика с карандашами, который всегда стоял чуть правее монитора, и положила туда, где капитан несильно прижимал мою правую руку к документу. Он поправил линейку, немного сдвинув вниз. Понятия не имею, какой у

меня почерк. Вряд ли красивый и ровный – пишу я редко, в этом почти нет необходимости, но мама уверяет, что разобрать мои каракули не сложно.

– Спасибо.

Он собрал бумаги и медлил у стола.

– Если вы что-то еще вспомните, пожалуйста, позвоните. Вот моя визитка.

Картонный прямоугольник кольнул ладонь. Смешно. Я пожала плечами и протянула его маме.

– Если вспомню, позвоню.

– Он тебя чем-то обидел? – спросила мама, закрыв за капитаном дверь.

– Нет. Все в порядке.

Мне было до тошноты плохо. Так плохо, что хотелось завыть в голос, но я только удрала к себе, сославшись на головную боль, и снова занырнула под плед.

В моей размеренной жизни не так уж много событий. Зимой и весной она в основном проходит на вершинах треугольника: дом – работа – парк. Я редко выбираюсь куда-то еще, и новые люди появляются в границах этого треугольника не часто. Разумеется, я пожалела, что спугнула капитана юстиции Дежина, но веского повода для звонка у меня не было. И уж точно я не ожидала, что спустя несколько дней капитан окажется единственным человеком, которому я отважусь позвонить.

Глава 3

Хоспис. Какая несправедливость! Гарик всегда был переполнен жизнью, она бурлила в нем неуемной энергией и щедро изливалась на всех, кто его окружал, а сейчас я ехала туда, где для надежды на жизнь места не было. Это было нечестно!

Машину тряхнуло на повороте, и дорога перестала быть ровной – мы свернули с шоссе. Павел – мой таксист, отличный парень – подвозит, когда мне случается ехать в незнакомое место, особенно если это так далеко. На его «я провожу?» мне со вздохом пришлось согласиться. Не люблю излишней опеки, но блуждать по незнакомому зданию не хотелось. У регистратуры я его отпустила обратно к машине – девушка с мягким голосом, очевидно, медсестра, вызвалась проводить меня к Гарику сама. Мы поднялись по лестнице, свернули в длинный коридор, снова вышли на лестницу, уже другую, и поднялись еще на этаж.

– К кому? – окликнула нас какая-то женщина.

Я слышала, как она поднимается со стула, как протискивает из-за стойки крупное тело – шуршал халат, обтираясь о пластик. Тяжело дыша, женщина неторопливо побрела нам навстречу.

– К Аванесяну.

– В пятую? Он спит, вообще-то. Вы бы пришли в другое вр…

Фраза оборвалась на полуслове. По всей вероятности, она поздно заметила мою белую трость или поздно сообразила, что это значит.

– Иди, Ань, дальше я сама, – обратилась женщина к моей провожатой.

– Спасибо, – кивнула я девушке и приготовилась идти за новым проводником, но та стояла, не двигаясь с места, и в упор меня рассматривала.

Я ощутила ее неприязнь, как липкий холодок на лице.

– Ты, что ли, Лиза?

Понятно. Гарик звал Лизу! Откуда было знать этой женщине, что они расстались год назад… Раздражение, вызванное задержкой и страной реакцией этой женщины, исчезло, сменившись неожиданной теплотой – она его жалела, заранее негодуя на ту, что здесь не появилась!

– Нет. Я не Лиза. Я – Света, его друг. Проводите меня к нему, пожалуйста! Неужели все так плохо?

– Ему сейчас не плохо, физически. Препараты очень сильные. Но… он умирает и знает это. Немногие соглашаются это принять. Ваш Гарик – сильный. И молодой. Таких всегда еще жальче.

Женщина вздохнула и попыталась взять меня под руку.

– Не надо, спасибо, – отстранилась я. – Просто идите впереди.

Остро пахло больницей. Почему-то – цветами. Не букетами в вазах, а теми, что растут в больших горшках. На память пришел коридор нашего интерната и целый сад растений за невысокой деревянной оградкой в рекреации второго этажа. Вспомнил ли Гарик то же самое?

– Здесь он, кровать справа.

Она открыла дверь, и я почувствовала тепло на лице – за окном вовсю светило весеннее яркое солнце.

– Гарик, к тебе пришли! – весело, без всякой фальши или преувеличения сообщила она.

– Кто?

Господи! У меня дрогнуло сердце – таким слабым и тихим голосом отозвался мой давний друг.

– Гарь, это я, Света.

– Светка… Иди ближе… Руку дай!

Гарик тоже был тоталом. Все остальные в нашем классе имели хоть полпроцента зрения, кроме нас двоих. Это нас поначалу и сблизило.

Я поймала его руку, прохладную, вялую. Легонько пожала. Было ощущение, что ее можно смять, сломать неосторожным движением. Это Гарика-то лапищу! Щуплый и костлявый в детстве, он вымахал в двухметрового детину, поднимался на Эльбрус, руководил секцией для слабовидящих при большом скалодроме, неутомимый путешественник и душа любой компании. Мы не виделись всего пару месяцев, как же так?

– Гарька… – Ком в горле мешал мне говорить. – Как же так?

– Ты садись, Свет. Не торопишься?

Речь Гарика была замедленной, он тянул слова, словно с трудом отыскивал в голове нужные.

«Наркотик! – осенило меня. – Он под лекарствами!»

– Здесь неплохо. Жаль, что я тебя раньше не позвал. Никого не позвал. Стыдно было…

– Чего? Чего ты стыдился, дурак какой!

Я всеми силами старалась удержаться от слез.

– Слабости. Правда, дурак, – согласился он. – Никогда не думал, что меня может коснуться… Что это будет вот так. Думал, что смерть – это миг. Вспышка. Обрыв. А не мешок с дерьмом, наркоманское нетерпение в ожидании укола и жалость, разлитая в воздухе… Проклятая жалость!

Он выдохся, замолчал, часто и тяжело дыша. Руку мою не отпускал, слабо цепляясь за нее, как за страховку над пропастью.

– Гарька, я не знаю, что сказать. Ты, главное, не бойся! Ты же никогда ничего не боялся.

– Да ладно тебе!.. – Он странно запыхтел, и я поняла – смеется. – Ты-то знаешь, чего я боюсь.

Ну, да. Я знала, что Гарька боится пауков. Всегда боялся. Но это была тайна.

– Светка, тебе я скажу. Тебе – могу. Мне страшно. Но – не умирать, это-то как раз не шибко страшно, под укольчиком – даже весело. Мне страшно не быть. Я понять не могу, как это – меня нет. Горы стоят, ребята собираются в экспедицию, а меня – нет. Пацаны мои придут на секцию – а нет меня… Ты вот захочешь поболтать, а меня – нет. Я уже умер фактически…

– Эй! Ну, это ты поспешил! Ты тут, и я – тут. И поболтать мы можем. И я скажу тебе что-то страшно секретное – никуда ты не денешься. Будешь за нами приглядывать оттуда. За ребятами своими, за пацанами. За мной можешь тоже, если не лень.

Врать ему я не могла. Не имела права. Мы никогда друг другу не врали, за всю жизнь – ни разу. Он умирал и знал это. Он умирал, и я это знала. Проклятый рак сожрал моего единственного друга!

– Полагаешь, это возможно? – спросил Гарик неожиданно серьезно, и столько тайной надежды было в его голосе, столько отчаянного желания, что мое сердце едва не разорвалось.

– Уверена. Там точно что-то есть.

Он почувствовал, что я верю в то, что говорю, но понял это по-своему. Выдохнул с облегчением. А я внутренне сжалась от ужаса.

«Там точно что-то есть!»

Воздух сгустился, дунуло холодком от двери. Закружилась голова. Я вдруг услышала чьи-то стоны, хрипы, топот ног. Не здесь, не рядом, но в разных концах здания одновременно. И там, где стонали и хрипели, бурлил потревоженный воздушный кисель, уплотнялся, сжимался вокруг хищных бесплотных теней, поджидающих свою добычу…

Как я не грохнулась в обморок, не знаю. К реальности меня вернул Гарик, слабо трясущий мою похолодевшую и взмокшую ладонь.

– Что случилось?

Он даже немного повысил голос, что далось ему нелегко, судя по одышке.

– Прости, душно… Голова закружилась.

Так я солгала ему в первый раз в жизни. Солгала, всей кожей ощущая, как шевелится в углу палаты под самым потолком холодное нечто и ждет, ждет, ждет… Решение пришло сразу: Гарика я ему не отдам! Не знаю как, но – не отдам!

– Гарь, а ты крещеный? – ужасаясь самой себе, спросила я.

Никогда мы вопросов веры не затрагивали.

– Не. Да и не поможет это, Свет. Для такого нужно верить, а у меня не получается.

Я уже ругала себя последними словами. Кто бы Гарьку крестил? Отец-забулдыга? Воспитатели в интернате? Это меня мама после занятий домой возила, а Гарька там жил… Да и что толку от того, что я крещеная? От того, что надеюсь, что Бог существует? Если и так, он все делает по своему плану.

Мысли бестолково метались в голове, подгоняемые страхом и горем.

– Гарь, я отойду ненадолго? Скоро вернусь, ладно?

– Ага, – быстро согласился он. – Я подремлю пока. Тепло тут… Чуешь, какое солнце?

Я чуяла. Весна буйствовала за окном, неприлично выпячивая напоказ все свои прелести: птичий гомон, запах юной травы и клейких листочков, обжигающе-праздничный жар вернувшегося после зимы солнца… Словно нарочно, как будто дразнила: «Жизнь продолжается! Я – жизнь!» Здесь же царствовала смерть. Милосердная, обезболенная, но от этого не менее страшная.

– Уходите? – женщина-дежурная не сидела за своей стойкой, дожидалась меня за дверью.

– Нет, мне нужно позвонить, отпустить водителя. Скажите, а я могу здесь остаться? С ним? Ведь ночью еще страшнее одному…

– Не уверена. Свободное место в палате есть, но, если привезут еще кого-то, вам придется ночевать на стуле. Да и зачем? Ему на ночь капельницу поставят, он спать будет. А утром приезжайте, если…

– Вот именно! – перебила я ее, не давая сказать то, чего не хотела слышать. – Если! Я заплачу, сколько нужно заплачу! Пожалуйста!

Она не ожидала такого напора. Когда я вцепилась в ее руку – полную, мягкую, теплую, немолодую, женщина вздрогнула так, что колыхнулось все ее крупное тело.

– Пожалуйста! У него никого нет! Я прошу вас!..

– Ну, уж и никого, – проворчала она, мягко выкручивая кисть из моей хватки. – Друг его сюда привез и потом приезжал, все оплатил. Солидный такой, не слепой.

– Хорошо, но сейчас-то он один! Поймите, я должна! Я не знала ничего, он скрывал…

– Ох, не знаю я. Идите к заведующей. В смысле, – запнулась она, – я позвоню, вас проводят.

Пока я дожидалась провожатых, успела отпустить Павла, пообещав, что вызову, когда соберусь обратно. Позвонила маме и чуть не расплакалась сама, услышав, как она зарыдала. Мама любила Гарьку. Даже думала когда-то, что мы поженимся… Взяв с нее слово не приезжать до завтра, я прервала разговор. Где-то работал телевизор, журчала вода, кто-то негромко говорил в одной из палат, но я больше не чувствовала покоя и цветочного уюта – это место пахло ужасом. Смертью.

«Светка, что происходит? Почему за неделю так сильно изменилась твоя жизнь? Почему теперь вокруг все умирают? Га-а-арька!»

Слезы, такие редкие у меня, покатились по щекам. Дыхание перехватило, горло сдавил спазм. Хотелось орать и лупить кулаками в стену.

– Простите?

Моего плеча коснулась чья-то рука. Я так утонула в горе, что даже не услышала, как ко мне подошли!

– Это вы хотели встретиться с Ириной Ивановной? Она у себя в кабинете. Это на втором этаже.

Не знаю, что так повлияло на заведующую, моя зареванная физиономия или наличие в палате незанятой койки, но она согласилась неожиданно быстро. Думаю, зареванных лиц она повидала немало. Какое мужество нужно иметь, чтобы работать в таком месте и сохранять доброжелательное спокойствие? Мне даже кресло принесли и поставили возле Гарькиной кровати. Он спал. Я прошлась по периметру, ощупывая стены, наведалась в туалет и села рядышком, склонившись над своим другом.

«Медведище! Ну, не умирай!»

Но он едва дышал, прерывисто и трудно. Мерзкое нечто изредка пошевеливалось в своем углу, не приближаясь, но я чувствовала – оно меня видит. Осязает. И еще я чувствовала, что не нравлюсь ему. Как? Да не знаю как! Их было несколько, рассеянных по зданию, и никакие стены не мешали мне заметить всех до одного. Они ждали.

Позвоночник царапало ознобом от их присутствия. Я повернула голову и прошипела сквозь зубы:

– Не отдам!

Бесплотное существо дернулось, ток воздуха – или не воздуха… ну, как это объяснишь? – волной добежал до моего кресла.

– Уходи, не жди!

Оно снова дернулось и замерло.

Наверное, я сошла с ума. Мне мерещилась нечисть, которую невозможно увидеть или потрогать, но в тот момент я была совершенно уверена, что она меня поняла. И я поняла тоже. Поняла, что она никуда не уйдет. И еще одну страшную вещь – до утра Гарька не дотянет, как и те четверо несчастных в других палатах.

Гарик шевельнулся и протяжно застонал. Я подпрыгнула в кресле, протянула к нему руки.

– Что? Тебе больно?

Под тонким одеялом судорожно подтягивались и снова выпрямлялись ноги его длинного, исхудавшего до костей тела. Я поверить не могла, что человек может так похудеть за несколько месяцев!

– Гарь?

– М-м… – промычал он. – Светка? Ты чего здесь? Ты иди…

– Никуда я не пойду! – решительно заявила я. – Сейчас позову кого-нибудь.

– Не… зови… рано еще. Сами придут.

Он продолжал корчиться. Гадость на потолке подползла ближе. Нависла почти у нас над головами.

– Говори. М-м… Что-нибудь… говори… – выдавил мой несчастный друг.

– Ш-ш. Тише. Помнишь, как мы в поход ездили и пошли купаться ночью? Вода ледяная, лягушки орут, плавать не умеем…

– Это ты… не умела. Я умел, – слабо возразил Гарька.

– А чего тогда цеплялся за меня: «Где берег? Где берег?»

Левой рукой я гладила его лоб, прохладный и влажный, голову с сильно поредевшими волосами, а правую он держал в своей ладони, время от времени сжимая ее, словно боялся упасть.

Мы чудом не утонули вместе той ночью. Но выбрались и умудрились никому не попасться. Хорошее было лето!

– Помнишь, о чем мы тогда договорились? – вдруг спросил он, делая длинные паузы между словами.

Я помнила. Пусть это и казалось теперь наивным, но я помнила. Нам было по тринадцать, мы были дерзкими и глупыми, но зато искренними.

– Не предавать, не лгать и не исчезать. Я помню, Гарька, я здесь.

– Прости. Это я нарушил клятву. Я пропал…

– Дурак! Лиза не в счет! Мне нечего было делать рядом с вами тогда. Я даже не сердилась. И сейчас не сержусь!

– Ты знаешь, где она сейчас?

И мне пришлось солгать снова:

– Нет, сто лет про нее ничего не слышала.

– А, ладно…

Он замолчал, но я чувствовала, как напрягаются жилки на висках, как корчится, ежится в невыносимой боли его тело на постели. Совсем уже собравшись бежать за помощью, я услышала в коридоре шаги. Дверь открылась, и в палату кто-то вошел, сопровождаемый чуть слышным повизгиванием колесиков по линолеуму. Гарька облегченно выдохнул.

– А вот и ужин! И лекарство! – радостно возвестила все та же женщина. – Мы сейчас креслице отодвинем, а капельницу пристроим вот тут…

Я вскочила, отступила к соседней кровати.

– Свет, не уходи… Мне сейчас полегче будет.

– Да не уйдет она никуда. Неуемная. Ей разрешили тут остаться, – выдала меня медсестра.

Мы проговорили до позднего вечера. Вспоминали детство, юность, свои проделки, друзей и врагов. Потом его речь замедлилась, и я продолжила говорить одна, даже тогда, когда поняла, что Гарька заснул. Приходила медсестра, что-то меняла в капельнице, а потом все стихло. Я клевала носом в кресле, когда это произошло – в палате стало слишком тихо. Так тихо, что я услышала, как лихорадочно забилось в испуге мое сердце. Только одно сердце. Значит, вот как это бывает? Надо звать персонал…

Воздух загустел. Волной пошел вниз, к кровати, ко мне, склонившейся над Гариком. Льдом дохнуло на спину, на согнутые в локтях руки. Я вздрогнула, раскинула их в стороны, как крылья, накрывая его – что ж ты здоровый-то такой! – собой. Не отдам! Нечто билось в меня, ввинчивалось, пытаясь протечь через живую преграду моего тела. Я зажмурилась изо всех сил, представляя себя почему-то брезентовой плащ-палаткой, под которой мы прятались однажды от дождя. Грубой, но прочной палаткой, под которую не пробиться никакому злу… Я не чувствовала его злости или чего-то такого. Оно отступало и методично бросалось на меня снова и снова, а я снова и снова мысленно кричала огненное «Нет!», и оно шарахалось прочь… В какой момент его попытки ослабли? Оно словно истощилось, уменьшилось в размерах. Движения вязких воздушных волн в сгустившемся воздухе уже не были такими явными и таяли с каждой попыткой прорыва… А потом оно просто исчезло. Как и в прошлый раз – хоп! И я осталась в палате одна. Я и мертвый Гарька, у которого я не позволила что-то отнять… Еле передвигая ноги, я выползла в коридор.

– Сюда! Пожалуйста! – голос мне не повиновался.

Хотелось кричать, а получился какой-то сдавленный писк. Но меня услышали.

– Боже мой! Что с вами? Что?

– Он не дышит… Кажется.

Медсестра протиснулась в палату мимо меня.

– Да. Отмучился, прими Господь его душу. Улыбается. Хорошо ушел, легко.

Я прислонилась спиной к косяку, футболка и джемпер прилипли к телу, по лицу текло. Что это было – пот или слезы, я не знала.

«Ушел».

Да, действительно. Гарика здесь больше не было, я снова его обманула… Молча повернувшись, я вышла в коридор.

Я прислонилась затылком к стене и достала телефон.

«Семь часов ноль одна минута», – резко протарахтел он лишенным эмоций механическим голосом.

Слабенькое эхо отразилось от стен в пустом холле первого этажа, но мне было все равно. Отупение и безразличие накрыли меня липкой паутиной, сковывая движения и мысли.

– Набор номера: Максим Сергеевич, – тихо, но внятно произнесла я.

Почему он? Почему не Павел, не мама, в конце концов? Не знаю.

– Слушаю, – голос был раздраженный, но не сонный.

– Это Светлана. Чиримова. Помните?

– Да, Светлана, что случилось?

– Вы можете меня забрать и отвезти домой?

В нелепости просьбы я отчета себе не отдавала.

– Откуда? Где вы сейчас? – явно встревожился он.

– Ольгино. Хоспис. Главный вход.

– Ждите, буду через сорок минут.

И все. Никаких вопросов, никаких обсуждений. Интуитивно я позвонила именно тому, кто повел себя наилучшим образом.

Стена была холодной, откуда-то поддувало, и меня охватила дрожь – одежда промокла почти насквозь. Волосы у корней тоже были мокрыми от пота.

«Гарька, надеюсь, ты это видел!»

Я задрала голову, словно он и в самом деле мог витать где-то там, под потолком, разглядывая меня, скорчившуюся на дерматиновом диванчике с низкой спинкой и засунувшую руки в карманы куртки в надежде хоть немного согреться.

Он не опоздал. Несмотря на то что, начиная с половины восьмого, входная дверь хлопала, не прекращая – персонал и посетители шли косяком, – я узнала его запах практически сразу, стоило капитану оказаться на пороге. Вскочив с диванчика, я едва не застонала: ныло и болело все тело, каждая мышца в отдельности и все скопом.

– Что с вами?

Понятия не имею, что у меня был за вид, но, судя по всему, не очень. Трость елозила впереди, пока не уперлась в дверь. Я молчала. Сил на разговор не осталось. Хотелось вырваться отсюда поскорее.

– Вам помочь?

Я отрицательно помотала головой, осторожно спускаясь со ступенек.

– Моя машина впереди, немного правее.

Он подстроился под мой шаг и держался очень близко, но под руку взять не пытался, – спасибо ему большое. В тот момент я не смогла бы вынести чьих-то прикосновений.

Только когда захлопнулись двери машины, отрезав нас в прокуренном, попахивающим соляркой салоне от хосписа, я вдруг расслабилась. Разжались кулаки, потекли вниз приподнятые плечи, задрожал подбородок. Я повернулась к капитану и выпалила:

– Ночью умер мой друг. Мы с девяти лет дружили…

– Понятно.

Он завел двигатель, заработала печка.

– Ваша мама в курсе?

Я вздрогнула. О нет!

– Вы уверены, что хотите сейчас именно домой?

Отличный вопрос, капитан. Я с ужасом поняла, что не выдержу маминых слез.

– Мне больше некуда…

– Понятно. Поехали.

Машина резко стартанула, меня на миг прижало к сиденью. Трубка его мобильника разразилась звуком полицейской сирены.

– Да, Сагиров, утро. Я задержусь. Не знаю. Не знаю. Звони, если что-то новое. Да. Удачи.

Он говорил быстро, слова получались резкими, отрывистыми, словно команды. Я сжалась в кресле, перехлестнутая ремнем безопасности, и слушала, как шуршат по асфальту шины, урчит и постукивает мотор, грубовато подвывает что-то под днищем автомобиля. Мне было безразлично, куда везет меня едва знакомый человек, время от времени касающийся моего лица осторожным взглядом. Нас ничего не связывало, кроме трех смертей, но именно он казался мне единственным островком здравомыслия в обрушившемся на меня хаосе.

Глава 4

Светлана нахохлилась на пассажирском сиденье, а Дежин топил по Приморке, нарушая скоростной режим. Основной поток машин уже понемногу забивал набережную, и он торопился проскочить до того, как утренняя пробка заставит машины ползти с черепашьей скоростью. Периодически он поглядывал на свою пассажирку, но разговоры решил оставить на потом – ей явно было не до болтовни. Состояние девушки ему не нравилось. Дежин снова быстро взглянул на нее: спутанные, слипшиеся пряди светлых волос закрывали лицо – она наклонила голову. Руки мелко подрагивали на коленях. Контраст с той Светланой, у которой он брал показания несколько дней назад, был разительным. Тогда она показалась ему уверенной в себе и очень храброй. Глядя на нее – аккуратную, симпатичную, с завораживающе-внимательным взглядом темно-серых глаз, – трудно было поверить, что она слепа. Тогда она неожиданно вызвала у него сочувствие и вместе с тем – уважение. Сейчас – тревогу и жалость. Направляясь к хоспису, Дежин грешным делом понадеялся, что сумеет разговорить ее в дороге и выудить что-нибудь ценное для застопорившегося следствия, но сейчас им руководило нечто иное. Нечто, чего, как казалось, он давно лишился, – сострадание.

По утрам двор пустел. Максим припарковал машину на свободном месте прямо возле своей парадной. Это у него вторник оказался выходным днем после суточного дежурства, а весь честной люд разбрелся добывать средства к существованию.

– Приехали.

Светлана заскользила ладонью по двери в поисках ручки.

– Подождите, я открою.

Он выскочил из машины, но, когда обогнул ее, девушка уже осторожно ставила ноги на тротуар. Трость легонько постукивала. Он закрыл машину и мягко прикоснулся к ее локтю.

– Можно?

– Да, ведите, – согласилась Светлана слабым голосом.

Она так и не спросила куда.

На газоне под окнами старенькой девятиэтажки сиротливо горбились симметричные кучки мусора, который сгребли, но так и не убрали дворники. Лавочка у входа в подъезд была оккупирована древней, словно мамонт, Петровной из девяносто пятой квартиры. И это было хорошим знаком: значит, лифт успели починить. Утром Максиму пришлось спускаться с восьмого этажа пешком.

Старушка поджала и без того почти отсутствующие губы и с подозрением уставилась на Светлану.

– Доброе утро, – ответил Дежин на Петровнино шипящее «здрас-сте», понимая, что дежурная вежливость не спасет его от дворовых сплетен.

Уже в лифте ему в голову пришла запоздалая мысль о том, что дома не убрано, а в мойке, полной немытой посуды, подсыхают на тарелке следы вчерашнего ужина. Сделать с этим ничего было нельзя, и Дежин просто отмел сожаления в сторону. Колымага кабины дернулась, останавливаясь, и двери разошлись в стороны со скрипом и бряцаньем.

– Направо, – подсказал Максим, пропуская Светлану вперед.

Она послушно повернула и безошибочно нашла его дверь.

«Как, черт побери, у нее это получается?» – удивился он, доставая ключи.

Матрос встретил их басовитым мявом и резко замолчал, уставившись на гостью.

– Кот? – повернула голову к Дежину Светлана.

На бледном от усталости лице появилась удивленная гримаска: вскинулись брови, на миг разгладилась морщинка между ними. Пожалуй, это было первым проявлением эмоций за все утро.

– Да. Матрос. Матроскин вообще-то. Не бойтесь, он мирный…

Гостей у Дежина почти не бывало, так что особой уверенности в своих словах он не испытал. Для вящего спокойствия пришлось грубовато отпихнуть Матроса с дороги, и кот, укоризненно взревев, унесся в комнату, елкой распушив хвост.

Усадив гостью на диван, Максим рванул в кухню. В холодильнике нашелся сыр, половина шоколадки с орехами и вяловатое яблоко. Сыр и яблоко он нарезал, шоколадку просто поломал и водрузил весь небогатый ассортимент закусок на тарелку. Початая бутылка «Чивас Ригал» дополнила меню. Так, с тарелкой в одной руке, стаканами – в другой и с бутылкой под мышкой, он и замер на пороге комнаты.

Матрос вальяжно расхаживал по коленям Светланы туда-сюда, украшая длинной шерстью ее синий джемпер и джинсы, и утробно мурчал в такт движениям руки, оглаживающей серо-белую шкуру от ушей до кончика хвоста.

– Познакомились? – только и сказал Дежин.

Руки были заняты, и показать Матросу кулак не получилось.

– Он милый.

Голос девушки звучал ровно, даже равнодушно. Так говорят те, чья боль превысила всякий предел. Дежин убедился в правильности приятного решения – в психиатрии шок считается одним из опаснейших состояний, и выводить человека из него следует чем быстрее, тем лучше, а единственная свидетельница по его новому делу, несомненно, находилась в глубоком шоке.

– Выпейте это.

Максим согнал кота и сунул ей в руку тяжелый квадрат стакана, до половины заполненного крепчайшим виски.

Она подхватила его под донышко второй рукой и выпила, медленно, глоток за глотком, явно не чувствуя вкуса. Ни одна мышца не дрогнула на бледном лице. Дежин поежился и отхлебнул из своего стакана.

«Виски в девять утра? Похоже, день удался», – мрачно подумал он и подвинул тарелку к краю журнального стола.

– Закусите.

Она провела ладонью над тарелкой, почти не касаясь содержимого, и взяла шоколадный обломок.

– Расскажите мне все. Будет легче, я обещаю.

Назвался груздем – полезай в кузов. Максим продолжал исполнять взятую на себя роль. Щеки девушки порозовели, она отвела с лица тонкую прядь слипшихся, словно от морской воды, волос и вздохнула:

– Как? Вы не поверите. Никто не поверит. Я сама себе не верю…

– А вы попробуйте, Света. Там посмотрим.

– Спасибо вам, Максим Сергеевич. Вы – хороший человек.

– Просто Максим.

Дежин смутился, вспомнив, о чем думал, когда ехал по просыпающемуся городу в хоспис.

«Хороший, как же!..»

– Не обольщайтесь, Света. Хорошим меня мало кто считает. Но я постараюсь помочь, если смогу, конечно.

Ее губы дрогнули и сложились в печальную улыбку, а Максим раз и навсегда определил разницу между глазами слепого человека и зрячего. Взгляд Светланы не отражал эмоций, он

казался глубоким и загадочным, но только казался. В нем невозможно было прочитать боль, разочарование или радость. Красивые глаза девушки были мертвы.

Она обхватила пустой стакан ладонями и слегка подалась вперед.

– До вашего появления в кафе кое-что произошло. Кроме меня, убийцы и убитых, там был кто-то еще. Или что-то…

Дежин слушал молча. Понять беднягу было несложно – столько потрясений за такой короткий срок. Но к тому моменту, как она дошла до попытки защитить своего друга от невидимой твари, Максим поймал себя на желании сделать пару звонков. Дернулась и зазудела жилочка инстинкта. Что-то во всем этом было. Что-то, не позволявшее списать услышанное на стресс несчастной Светланы. Ну, не тянула она на человека с поехавшей крышей. Максим крякнул и потянулся к бутылке. Плеснул себе немного и, отобрав стакан у Светланы, налил немного и ей. Стало ясно, что он не зря отзвонился и предупредил дотошного и обидчивого Сабирова из отдела баллистической экспертизы, к которому собирался заехать с утра, – сегодня сесть за руль уже не светило.

– Вот и все. А потом я как-то добралась до первого этажа и позвонила вам.

Девушка замолчала. Ее снова начало потряхивать, и Дежин коротко приказал:

– Пей… те.

Она послушно поднесла стакан к губам, глотнула и закашлялась. Значит, шок отступил.

– Вот что я скажу… – Максим не стал долго колебаться, понимая, что ей нужна реакция, любая, даже негативная. – Ни во что такое я, конечно, не верю. Но это не значит, что я не верю конкретно вам. В моей практике не раз случались вещи, кажущиеся, мягко говоря, загадочными, но рано или поздно они находили рациональное объяснение. Есть простой способ проверить то, что случилось в хосписе. Если вы согласитесь, конечно.

Светлана кивнула. Смотреть на нее было больно – сжалась на краешке дивана, подняв плечи и обхватив себя руками. Щеки пылали, но на лбу, вокруг носа и губ кожа побелела, а под глазами голубели тени бессонной ночи.

– Даже не знаю, что лучше услышать, – тихо призналась она, – что я сошла с ума или, наоборот, не сошла. Помогите мне, капитан.

– Сколько этих существ вы насчитали?

– Четыре, кроме того, что было у Гарика в палате.

– Уверены?

– Да.

– Если, как вы полагаете, они предугадывают чью-то смерть, то сегодня в хосписе скончались пять человек. Допустим, плюс-минус одна жизнь, которую можно списать на чудо исцеления.

«Что я несу?» – одернул было себя Максим, но остановиться уже не мог. Как почуявшая след ищейка, его интуиция резко рванула вперед, натягивая поводок. Он сгреб со стола телефон и набрал номер Карченко.

– Василий Ильич, утро доброе. Прозвони-ка ты мне в хоспис в Ольгино, от нашего ведомства, и получи точную статистику летальных случаев за прошедшие сутки. Желательно, чтобы было указано время смерти.

Ожидая, пока опешивший Карченко наскребет слова для ответа, Дежин заметил, что его гостья откинулась на спинку дивана и медленно клонится вправо, даже не пытаясь больше как бы смотреть на него или куда бы то ни было. Девушка засыпала. Вторая порция спиртного после тяжелой ночи подействовала как снотворное.

– Это срочно? – недовольно прогудел в трубку простуженный бас Василия. – Это по нашему делу?

– Да, срочно. Да. Жду.

– Сделаю, – проворчал Карченко. – Слушай, капитан, там заключение экспертизы по трупам из «Уюта» пришло, с ними что-то не так.

– В смысле? – не понял Дежин. – Скинь мне копию, посмотрю. И звони давай, это важно!

Матрос прокрался по самому краешку дивана и угнездился Светлане под бок. Максим вздохнул, оглядел комнату в поисках того, что можно было бы подложить девушке под голову, но, кроме кошачьей лежанки, покрытой густым слоем шерсти, ничего подходящего не обнаружил. Через щель между шторами, сорванными с нескольких петель, в комнату пробивался яркий свет. В его луче искрились пылинки и вездесущий невесомый пух – Матрос активно линял.

Дежин принес из спальни подушку и осторожно приподнял голову Светланы. Она поморщилась, но не проснулась. Попытался забрать с дивана кота, но тот вцепился когтями в обивку, всем своим видом сообщая хозяину, что сдвигаться с места не намерен.

«Ну и черт с тобой!» – рассердился Максим и ушел на кухню. Зверски хотелось курить, и нужно было посмотреть, что не так в заключении судебных медиков.

Через десять минут Дежин настойчиво пытался пробиться сквозь равнодушное «в настоящий момент абонент разговаривает», сбрасывая и снова набирая номер Славика Вощина, который акты о вскрытии и подписал. Наконец в трубке зашипело, и усталый голос Вощина произнес:

– Макс, ну и ты еще на мою голову! Работать некогда, только успевай на звонки отвечать.

Шипение в трубке и далекое позвякивание металла о металл сообщили Дежину, что Славик как раз работает, а гарнитура в ухе ему нисколько не мешает говорить. Связь же в судебном морге всегда барахлила.

– И я рад тебя слышать, дружище!.. – Дежин не кривил душой, с Вощиным они приятельствовали давно. – Скажи-ка, что за хрень ты мне прислал относительно двух трупов из кафе?

– Каких? С огнестрелом в головы?

– Брось, не прикидывайся девочкой. У тебя что, каждый день в актах о вскрытии лучевое поражение мышечных тканей и аномальный процесс разложения встречается?

– Ах, этих трупов! – Славик выдержал театральную паузу. – Нет там лучевого и не было. Картина схожая, и только, я же пометил. Фон в норме. А вот все остальное – нет. Впечатление такое, что эту парочку сунули в микроволновку секунд на сорок. И степень разложения глубоких тканей, словно они уже дня три как… при комнатной температуре. Это при том, что кожные покровы прямо целехонькие, если дыры в черепах исключить. Причина смерти не вызывает сомнений, а вот посмертные изменения трупов выглядят, мягко говоря, странно. Если все было так, как ты мне рассказал, и так, как зафиксировано в протоколе осмотра на месте происшествия, то я не знаю, что и думать. Словом, я еще с ними поколдую, дождусь результатов гистологии и судебно-химической экспертизы. Отдельно – бактериологического исследования. Отчет о вскрытии – предварительный – видел?

Максим этого не заметил. Шапку читать не стал, глаза сразу зацепились за выделенные красным маркером строки ниже графы «сопутствующие состояния». Вощин был фанатично предан своему делу, и не было ничего удивительного в том, что он заинтересовался трупами из «Уюта». Скорее, Дежин удивился бы, если бы этого не произошло.

– Отлично, Слав, помощь нам не помешает. Особенно по неопознанному.

Одно из тел, отправленных Дежиным на Екатерининский, 10, оставалось неопознанным: ни документов, ни телефона, ни ключей от жилья или автомобиля у погибшего при себе не оказалось. У следствия оставалась одна надежда на выяснение личности убитого – результаты экспертизы. «По грязи из-под ногтей», как выражался танатолог Вощин.

– Слушай, Слав, – задумчиво пожевал Дежин нижнюю губу, – а если я тебе предложу осмотреть еще пару-тройку тел, предположительно – с такими же посмертными изменениями?

– Где? – встрепенулся Вощин.

Сквозь назойливое шипение и треск помех было слышно, как звякнули инструменты о стальную кювету. Максим живо представил себе худое, вытянутое лицо приятеля, искорки азарта в светло-серых глазах. И уши. Большие оттопыренные уши Славика краснели, когда он волновался.

– Не в нашем ведомстве, дружище. Мне еще нужно разрешение пробить. Хоспис в Ольгино. Я не знаю, куда оттуда тела увозят.

– Ха! Нахрен твои разрешения! Знаю я вашу бюрократию – пока ты бумажку добудешь, эксгумация потребуется. Ты мне только имена назови, дальше я сам. Такие же, говоришь?

– Возможно – такие же, – подчеркнул Дежин, а сам подумал, что ему чертовски повезло, что тела из «Уюта» попали именно к Славику. – Ты будь на связи, я тебе имена скину чуть попозже. С меня пиво.

– С тебя корюшка. Пиво я и сам раздобуду, – мгновенно отреагировал Славик.

– Жареная? – возмутился Дежин.

– Жареная, – с мстительным удовольствием в голосе подтвердил приятель.

– Ладно, жучара. Будет тебе корюшка. Жди эсэмэс.

Готовить Максим не любил. И мысль о том, сколько мелкой рыбешки может войти в худого, но почти двухметрового Славика, да под пивко, его ужаснула.

«Вот ведь торгаш!» – беззлобно сокрушался Дежин, набирая номер Карченко.

Судя по тому, что сообщил Василий, интуиция Максима сработала верно. Число покинувших этот мир больных в хосписе точно соответствовало тому, что сказала Светлана, включая ее друга, Гарика Ашотовича Аванесяна. Отправив печальный список Славику, Дежин потянулся за очередной сигаретой, но закурить не успел – из комнаты донеслось испуганное:

– Максим?

Глава 5

Я не сразу сообразила, где нахожусь. Сознание плыло, в ушах звенело. От горько-кислого привкуса во рту слегка подташнивало. В застоявшемся воздухе угадывался едва знакомый запах. Я пошевелилась, и тяжелый комок возле живота развернулся, вытягиваясь вдоль моего тела. Рука уткнулась в длинный мех, под ладонью немедленно заурчало, как будто заработал маленький басовитый моторчик. В тяжелой голове медленно поплыли такие же тяжелые, тягучие мысли: «Почему у нас с мамой никогда не было кошки? Матроскин – смешное имя…» Вот блин! Я села, едва не придавив кота и больно пристукнув пятками об пол – диван оказался непривычно низким. Как же я умудрилась заснуть у капитана дома?

– Максим? – проблеяла я, чувствуя, как лицо наливается краской стыда, и отчаянно надеясь, что он не оставил меня в квартире одну.

– Иду! – донеслось откуда-то из глубины квартиры.

Открылась и закрылась дверь, в комнату прилетела невероятная смесь табачного дыма и запаха свежей листвы: похоже, что капитан курил у открытого окна, скорее всего, на кухне.

– Простите, пожалуйста! – теперь вместо писклявого блеяния получился сиплый басок.

С голосом творилось что-то неладное, и чувствовала я себя ужасно. Мало того, что загрузила человека своими проблемами с утра пораньше, так еще и умудрилась заснуть прямо за столом посреди беседы!

– Все нормально, Света. Вы же ночь не спали. Зато я успел кое-что выяснить. И позвонил Тамаре Георгиевне, чтобы она не слишком волновалась, разыскивая вас.

«Мама! Как я могла ей не позвонить?»

Теперь я окончательно утонула в море неловкости и стыда.

Капитан что-то почувствовал, потому что быстро, с наигранной бодростью в голосе предложил:

– Чашечку кофе? У меня хороший. Приятель привез из Перу.

– Да, спасибо, – согласилась я и повторила: – Спасибо вам, Максим. За все.

Несмотря на то что желудок крутило от выпитого алкоголя, я чувствовала себя намного лучше, чем утром. Исчезли горькое опустошение и ужас, прошло оцепенение. Нужно было выговориться, и капитан прекрасно справился с ролью жилетки, так что – да, я была ему более чем благодарна. Только совершенно не представляла, что со всем этим делать теперь. Ночной кошмар, сегодняшнее утро и даже смерть Гарика отодвинулись в сознании, стали расплывчатыми, словно позавчерашний сон. Сон, который не мог присниться мне, не могло это все случиться в моей тихой и размеренной жизни.

Осторожно касаясь рукой стены, я брела за хозяином квартиры на кухню. Обои под пальцами были монотонно шершавыми, современными, без рисунка. Местами их взрывали глубокие царапины, и толстая бумага грубо лохматилась по краям. Вот тебе, Светочка, и ответ на вопрос: почему у нас нет кошки? Самый прозаический. Кто ремонты делать будет?

Как я и предполагала, кофе капитан глушил литрами – чашечка оказалась огромной кружкой. Восхитительный аромат почти перебил другой, не слишком приятный – небольшая кухня была изрядно прокурена. Похоже, что хозяин проводил здесь бóльшую часть жизни. Он уселся напротив, вытянул ноги, шоркнув ими по полу, и задумчиво произнес, весьма чувствительно пытаясь просверлить взглядом отверстие в моем лице:

– Знаете, Света, а ведь в вашей истории что-то определенно есть. При вскрытии обнаружились некоторые странности в телах убитых, тех двоих, из кафе. Если похожие отклонения будут присутствовать и у скончавшихся сегодня в хосписе, то…

Он ненадолго замолчал, сделал несколько глотков из своей кружки, вздохнул и продолжил:

– Не знаю, что и думать. Мистика никак не вписывается в круг моих интересов. Что бы я ни обнаружил мистического – а скорее всего, мы в чем-то ошибаемся и объяснение найдется, – поделиться своими соображениями с коллегами я не смогу.

Я прислонилась к стене. Бедный капитан! Он пытался мне поверить и не мог. А я не могла его осуждать, поскольку и сама себе не слишком верила.

– Что за странности?

– Состояние тел не соответствует времени наступления смерти: слишком быстрый процесс разложения. И следы какого-то энергетического воздействия. Точнее сказать не могу, я ведь не специалист. Наш медик проведет дополнительные анализы, может, тогда картина прояснится. Для меня основная странность заключается в другом: убитые разного возраста, предположительно – не были знакомы, разного телосложения и даже образа жизни, но вот внутренние органы у них одинаково пострадали, причем причиной смерти однозначно являются, как написано в отчете: «Повреждения костей черепа, повреждения оболочек и вещества мозга». Вот и выходит, что остальные изменения тела получили уже после смерти. В те тридцать шесть минут, которые прошли до приезда нашей группы. И были там только вы, Света. Или – не только вы…

– Мне нечего добавить к тому, что я уже рассказала, Максим. Я тоже ничего не понимаю, кроме того, что нечто делает неизвестно что с умирающими людьми. Надеюсь, что хоть Гарика я смогла защитить.

Это прозвучало глупо. От чего я его защитила? К чему ему моя защита, если он все равно умер? Но что еще я могла сказать капитану?

– Вот в этом-то и дело. – Капитан ткнул в столешницу сжатым кулаком.

Столешница отозвалась жалобным дребезжанием посуды, глухим стуком чего-то широкого и тяжелого, что подпрыгнуло с его стороны стола. Ноутбук?

– Нечто, чего никто не видел, оставило следы, – продолжил Максим. – И если в теле твоего друга этих следов не окажется, а у остальных они будут, то…

– …то вам придется поверить в мою историю?

Он уже в нее верил, просто не мог или не хотел себе признаться. И верил даже больше, чем я, ведь в его распоряжении была целая научная база, а у меня – только ощущения. Пугающие, непонятные ощущения. И я второй раз за сутки задала вопрос, на который сама не смогла бы дать точного ответа:

– Максим, как вы думаете, Бог есть?

– Нет. – Ни малейшей заминки, ни намека на самую коротенькую паузу он себе не позволил. – Ни Бога, ни черта. Люди вполне справляются с чудесами и мерзостями самостоятельно, Света.

Я кивнула. Не потому, что была согласна с его заявлением, а потому, что он подтвердил то, что я и так почувствовала. Он был нужен мне, этот невеселый одинокий человек, отчего-то понятный и близкий, словно я знала его тысячу лет.

– Хорошо, – продолжил капитан, и я снова услышала, как он трет подбородок, – давайте сложим в одну стопочку все, что у нас есть, а потом я отвезу вас домой, выглядите вы не очень…

Странное чувство. Кто-то обсуждает со мной мою внешность. Кто-то, кроме мамы. Я попыталась улыбнуться, но ничего не вышло. Тошнота и головная боль никуда не делись, исказив мою улыбку до жалкой гримасы. Максим вздохнул.

– Итак, что мы имеем? Неопознанный мужчина… – Капитан щелкнул компьютерной мышкой, видимо, открыл файл. – Около сорока, физически сильный, одет в куртку и брюки, похожие на форменные, но без лейблов и нашивок, серо-голубого цвета, вбегает в кафе и про-

сит бармена Иванцова показать ему второй выход. Следом за ним в кафе врывается некто, крупного телосложения, и с порога палит сначала в нашего неопознанного, а потом и в Иванцова. Затем стрелок замечает вас, Светлана, и направляет на вас оружие. Но не стреляет. Уходит. Все так?

– Да, – просипела я сквозь внезапно пересохшее горло.

– А вот теперь я хочу, чтобы вы сосредоточились, Света. В какой именно момент вы почувствовали присутствие в зале кого-то еще? До того, как вошел стрелок, или после? А может быть, оно было в кафе еще до появления неопознанной жертвы?

Тон капитана изменился. Стал суше, резче, напористей.

– Не знаю…

Я попыталась восстановить в памяти картину своих ощущений и почувствовала легкий озноб, словно холодные паучьи лапки пробежались сзади по плечам и шее.

– Пока мы с Денисом, то есть с барменом Иванцовым, были в зале одни, ничего необычного я не ощущала. Что вы пытаетесь понять, Максим?

– Хочу узнать, кто именно принес с собой этих ваших шакалов смерти.

Я вздрогнула. Не может быть! Именно так я и представила себе этих существ – жадными, пугливыми шакалами. Злобными, но трусливыми.

– Между появлением того человека и стрелка прошло очень мало времени. Я ничего не успела заметить. А вот когда стрелок уходил, это уже было в кафе. Наверху, слева. Мне кажется… Нет, точно, оно было там до его появления. Оно ждало стрелка, словно знало, что он появится и что потом произойдет. Совсем как в хосписе. Оно ловило миг смерти.

Стало очень холодно, у меня затряслись руки и поднятые, напряженные до боли в мышцах плечи. Маленькая прокуренная кухня исчезала, расплывалась в пространстве вместе с теплым присутствием капитана, птичьим посвистом за открытым окном, звонким мальчишечьим голосом внизу, во дворе…

Я снова оказалась в кафе – перепуганная до икоты, с привкусом желчи во рту и отчаянно колотящимся сердцем, вытягивая из памяти все мелочи, все звуки и запахи, до которых могла дотянуться.

– Вот так…

Чьи-то руки обнимали меня, заворачивая во что-то большое и мягкое, пеленая, как ребенка. Чей-то взволнованный хриплый шепот успокаивал:

– Все хорошо.

Пахло сигаретами и знакомым парфюмом. Немного алкоголем, немного железом и – теплым песком на берегу спокойной реки.

– Максим? – Я пошевелилась. – Что случилось?

Кажется, он стоял на коленях перед моим стулом. Очень близко. Я чувствовала дыхание на своей щеке.

– Уф! – он выдохнул и отстранился. – Больше так не делай… те. Вы отключились. И вообще простите, Света. Я передавил на вас.

В словах звучали отголоски испуга, но вот раскаяния я что-то не уловила. Впрочем, он же следователь. Мент. Я подтянула ноги повыше от холодного пола и сообщила:

– Оно было там. Появилось до стрелка, но после неизвестного мужчины, которого убили. Или – вместе с ним. И еще мне кажется, что это становится важным: и убитый, и убийца пахли одинаково. Сильно и противно.

– Отлично! Ай да молодец! – Капитан положил руку мне на плечо и легонько сжал. Рука была горячей, и это чувствовалось даже сквозь мохнатое покрывало, в которое он меня укутал. – Все на этом! Хватит с вас. И про запахи – спасибо, я напомню судмедэксперту.

В дверь кухни, которая находилась за моей спиной, глухо, но сильно ударили. Я подпрыгнула от неожиданности, но тут же расслабилась: из коридора донесся такой обиженно-возмущенный мяв, что заложило уши.

– Ничего себе! – невольно воскликнула я.

– Матрос не привык, что от него закрываются. – Максим подошел к двери, открыл. – Иди!

Но кот сердито и демонстративно рыл в коридоре что-то сыпучее, видимо, кошачий наполнитель, и в кухню так и не пришел.

Еще через полчаса за нами приехал какой-то приятель капитана и отвез к моему дому. Всю дорогу мы молчали, я на заднем, а капитан на переднем сиденье, спинка которого выгибалась и поскрипывала, когда он оборачивался, чтобы посмотреть на меня, как будто я могла куда-то исчезнуть из движущегося автомобиля.

Он взялся проводить меня до самой квартиры, хотя я и утверждала, что в этом нет никакой необходимости.

– Я обещал Тамаре Георгиевне, что доставлю вас домой. Вот и доставляю! – отрезал капитан.

Что-то случилось. Что-то произошло, чего я не заметила. С какой стати он так властно и уверенно поддерживал меня под локоть на лестнице, и почему меня это совсем не раздражало?

Глава 6

Прежде мне никогда не приходилось бывать на похоронах. Да что там, я и о смерти както раньше не задумывалась. Но две недели назад все изменилось, и теперь мы с мамой стояли в гулком, пропахшем цветами и горем зале крематория, где проходила церемония прощания с моим лучшим и единственным другом – Гарькой Аванесяном. Вокруг толпились люди, которых я совершенно не знала. Зрячие и незрячие ребята – друзья и ученики Гарика: какие-то крепкие, пропахшие бензином и кожей парни из байкерской тусовки; всхлипывающие девчонки; суровые ребята-альпинисты из тех, что оказались в городе. Человек пятьдесят, если не больше, как сказала мама. Не было только ее, Лизы Брянцевой, едва не раздавившей его душу. А ведь я позвонила, сказала, где и когда состоятся похороны. Но она так и не пришла.

Мы с мамой жались друг к другу, как замерзшие птицы. Я слышала, как шуршат лепестки роз в ее трясущейся руке, как сокрушается громким шепотом кто-то в дальнем конце зала:

– Это вдвойне нечестно! Такой парень! Несправедливо!..

«Несправедливо…» На Гарькину долю справедливости совсем не досталось. Дом малютки, редкие визиты пьяницы-отца, интернат, потом – Лиза… Хотя что я понимаю в справедливости? Гарька любил жизнь и прожил немного, но ярко. Посмотрим, соберется ли на мои похороны хоть три человека… Место угнетало, и мысли тоже. Мы с мамой и деловитым Степаном Ивановичем – директором скалодрома, который взвалил на себя организацию и оплату похорон, стояли в изголовье гроба, а мимо нас, мимо равнодушного ко всему Гарьки медленно тек человеческий ручеек, на минуту застывая возле открытого гроба и двигаясь дальше.

Я коснулась обитого тканью деревянного угла. Мне не нужно было протягивать руку дальше – кожей чувствовала холод там, где лежала Гарькина голова. Мама сказала, что у него спокойное лицо, будто спит. Сказала, что его одели в кожаную куртку зачем-то, что в гроб положили альпинистские очки и томик Высоцкого. Ей все это казалось кощунством, а мне – нет. Все это он любил, пусть оно с ним и останется. До конца.

Говорили многие и много. Я не вслушивалась. Слова обтекали меня, улетая под высокий потолок и теряясь там.

– Тебе тоже нужно сказать, – прошептала мама.

Нужно? Я покачнулась. Нет. Не смогу. Гарька, милый, прости!

И тогда левому боку стало пусто и холодно – мама оторвалась от меня, отошла.

– Гарик всегда был необыкновенным мальчиком… – услышала я ее голос.

Обычно сильный, для такой хрупкой женщины, сейчас он звучал ломко, надтреснуто.

«Надтреснуто… – Я не могла ни на чем сфокусироваться, даже на маминых словах. В пустой голове пробегали нелепые мысли. – Мы все сейчас надтреснутые. С трещиной в сердце, Гарька».

Из тех, кто умер в хосписе в ту ночь, для похорон выдали только Гарькино тело. Остальные до сих пор находились в Бюро судебно-медицинской экспертизы. И там они могут задержаться надолго, как сказал капитан Дежин. Спасибо, что тело Гарика нам отдали быстро! Ведь у него никаких подозрительных посмертных изменений не обнаружили.

Капитан звонил каждый вечер. Сначала – просто узнать, как я себя чувствую, а потом вдруг спросил, не желаю ли я прогуляться перед сном. Я вовсе не хотела выходить под липкую морось, весна капризничала, и хорошую погоду вдруг сменили холодные ветра с дождями, но капитан явно вытаскивал меня из дома неспроста. Пришлось согласиться. Удивила мама, заявив, что в таком виде – спортивный костюм и старенькая куртка – никуда не выпустит. Изобразив маленький, но шумный ураган, она заставила меня переодеться и сама переплела мне волосы в косу, стянув резинку с привычного хвоста.

– Как на свидание меня собираешь, – попыталась отбиться я, – еще накрась…

– А что? Может, так оно и есть?

Мама аккуратно разбирала пряди моих волос.

Я фыркнула:

– Ма, что ты себе напридумывала? Капитан Дежин тот еще кавалер. Дело у него.

– По делу или не по делу, а девушка не может себе позволить встречаться с мужчиной в таком виде!

Я сдалась. В конце концов, правду-то я сказать не могла. Даже ей. Особенно – ей. А вот капитану сказала…

Ветер попытался вырвать у меня из руки дверь в парадную, попутно влепив в лицо приличный заряд холодных капель.

– Стой под навесом! – услышала я.

Хлопнула дверь машины, и капитан зашлепал прямо по лужам, на ходу открывая громко щелкнувший зонт. Капли неровно забарабанили в натянутую ткань, и мы побрели к машине, пытаясь одновременно уместиться под ненадежной защитой.

– Хорошенькую погодку вы выбрали для прогулок, Максим, – проворчала я, оказавшись в теплом салоне.

– А здесь не капает, – с философским спокойствием отреагировал на мое ворчание Дежин, поворачивая ключ зажигания.

Машина послушно рыкнула и покатилась вперед.

– Куда вы меня везете?

– К одному моему приятелю. Он настойчиво просил о знакомстве.

– Что? – нахмурилась я.

– Света, не бойся. Он – врач. В некотором роде.

– Я не боюсь! И что значит – в некотором роде?

Капитан меня смущал и злил. А я смущала и злила его. Куда подевалась простота и откровенность, с которой мы общались в тот единственный раз у него дома, не знаю, но теперь между нами все время висела неловкость. И еще – несколько смертей. И непонятные шакалы-невидимки.

– В некотором роде, потому что он не работает с живыми людьми. Он судебно-медицинский эксперт. Танатолог.

– Тана… Смертевед?

Максим усмехнулся. Не фыркнул, не издал ни звука, но я почувствовала его усмешку так ясно, словно смогла ее увидеть.

– Смертевед… А что? Именно так.

– И что ему от меня надо?

Я все еще сердилась. Не люблю сюрпризов. Не люблю неожиданностей. Их в последнее время и так хоть отбавляй.

– Не злись, – прочитал он мои мысли. – Славка – хороший парень, мы с ним давно знакомы. Он занимается нашими трупами из «Уюта» и хосписа.

– Да уж, догадалась.

Дом был новым. Он еще хранил запах краски, едкую вонь пластиковой обшивки и неуловимо-пространное эхо помещения, совсем недавно бывшего абсолютно пустым. Лифт заглотил нас в просторную пасть и вознес на нужный этаж стремительно и бесшумно. Переливчатая трель звонка еще не успела стихнуть, а замок в двери уже тихонько щелкнул.

– Здравствуйте, – прямо с порога поприветствовал меня благодушный басок.

Источник звука находился выше моей макушки, и я невольно задалась вопросом, какого же роста этот друг капитана?

– Привет!

Это уже было адресовано Максиму.

– Слав, это Светлана. Света, знакомься, мой друг, Вячеслав Вощин.

Я приготовилась пожать хозяину руку, но неожиданно тыльную сторону кисти обдало теплое облачко выдоха и коснулись сухие горячие губы. Я вздрогнула и попятилась, натолкнувшись на твердокаменный, обтянутый толстовкой торс капитана.

– Очень приятно! – не заметил моего смущения Вячеслав. – Прошу вас…

Кажется, он попытался взять меня под локоть, но Максим едва уловимо шевельнулся за спиной, и танатолог отступил, шоркая подошвами по полу.

– Мы сами, – подкрепил свое движение словами капитан. – Прямо, Свет, и налево.

Нравилось мне в нем это. Но и бесило. Я не люблю навязчивое желание зрячих подчеркнуть мою беспомощность. Но с какой стати он взялся решать, когда и от кого мне принимать помощь?

Вячеслав Вощин оказался личностью совсем необычной. И дом у него был под стать хозяину. Попав в большую комнату, мы словно вышли на лесную поляну – свежий, веселый запах многочисленных растений заполнял ее немаленький объем, сливаясь с птичьим щебетом – высоким, резким и немного сварливым.

– Что это?

Я замерла у порога.

– А это – мои питомцы. Неразлучники Авель и Каин, – отозвался хозяин леса из глубины комнаты.

– Протяни руку, – шепнул капитан, и я послушно выставила ладонь.

За указательный палец немедленно уцепились острые коготки, я согнула ладонь лодочкой, и в нее скатился суетливый пушистый комочек с быстро трепещущим сердечком под хрупкими, невесомыми перьями. Улыбка сама собой смыла все мое недовольство вечерней прогулкой неизвестно куда. Я повернулась к Максиму, потом – к Вячеславу. Восторг и умиление требовали выхода.

– Чудо какое!

До этого момента я никогда не держала в руках живую, самую настоящую птицу! Попугай вертел головой и что-то выговаривал на своем языке, пронзительно и громко. Второй отвечал из дальнего угла комнаты.

– Вы им понравились! – довольно сообщил Вячеслав и щелкнул языком.

Пичуга выпорхнула из моей руки.

Максим, уже знакомый с моей привычкой исследовать незнакомое помещение самостоятельно, только наблюдал из центра комнаты, усевшись в скрипнувшее кресло. Я ощущала его взгляд, как ощущала бы ладонь под сгибом локтя – расслабленную, но готовую поймать, поддержать в любой миг. Наблюдал за мной и Вячеслав. С веселым любопытством. Он вообще распространял вокруг себя ореол необычной легкости, притом что физически места занимал очень много.

Вдоль стен поднимались открытые стеллажи с книгами – большими томами, с краев полок свисали плети каких-то растений с нежными небольшими листьями. Полки перемежались большими вазонами, и в них росли целые небольшие деревца, некоторые – выше меня ростом. Между двумя такими деревцами втиснулся короткий диванчик, а дальше тянулись все те же стеллажи. Ближе к окну я обнаружила клетку, выгнутые ребра тоненькой решетки образовывали большой купол. Размер клетки потрясал воображение – при соответствующей дверце

в нее можно было поместить и меня, и даже капитана! Дальше я обнаружила закрытую дверь и не стала любопытствовать, а легко нашла дорогу к свободному креслу в центре комнаты, лишь чуть-чуть помогая себе тростью – мужчины дышали громко, двигались громко, и ошибиться в их местонахождении было просто невозможно.

Меня окружала атмосфера спокойствия и тихой радости. И здесь живет человек, каждый день имеющий дело с телами умерших людей? Я была немного растеряна. У Максима и Вячеслава оказалось так мало общего, что я засомневалась в том, правильно ли составила мнение об этом человеке.

– Макс, будь другом, сооруди нам чайку? – внезапно предложил хозяин дома. – Вы ведь пьете чай, Светлана?

Я кивнула, стараясь сохранить невозмутимый вид. Капитан напрягся так, что крякнуло плетеное кресло под ним (кажется, такие называют ротанговыми), но спорить почему-то не стал. Молча поднялся и вышел из комнаты.

– А мы с вами пока побеседуем…

Тон Вячеслава оставался все таким же благодушно-расслабленным, но я уловила даже не движение – намек. Просто чуть-чуть подалось вперед его крупное тело.

– Конечно, спрашивайте, – спокойно согласилась я.

В конце концов именно за этим Максим меня сюда и привез.

– Договорились. Сначала спрашиваю я, а потом – вы. Ведь и у вас наверняка есть вопросы.

Честно говоря, вопросов к специалисту по вскрытию трупов у меня не было, но разочаровывать его я не стала, просто кивнула в ответ.

– Какие они? – ошеломил меня Вячеслав.

Я аж рот приоткрыла, силясь сообразить, о чем он спрашивает. А когда сообразила, до меня дошел не только смысл, но и тон вопроса – сухой, жесткий, по-деловому острый. Этот Максимов друг был совсем не прост!

– Небольшие. Со среднюю собаку. Недобрые. Трусливые и наглые одновременно. Не умные.

– Ого! – Вячеслав удовлетворенно крякнул и откинулся на спинку своего кресла. – Как вы определяете размер?

Я пожала плечами.

– Помните байку про Архимеда и вытесненную из ванны воду? Что-то очень близкое. Люди и предметы вытесняют, занимают определенную долю пространства вокруг меня, я это просто чувствую. Попробуйте походить с закрытыми глазами некоторое время, и вы все поймете. Похожим способом я убеждала маму, что могу передвигаться без постоянной поддержки.

– Значит, эти существа материальны?

– Не уверена. По моим ощущениям, скорее нет, чем да. Я не могу этого объяснить. Они самую малость плотнее того воздуха, который вытесняют, или, наоборот, настолько разреженнее и чужероднее, что на их месте скорее ощущается пустота, окруженная воздухом.

– Закапсулированный сгусток пустоты?

– Слишком заумно, но да, похоже. Только это не капсула в прямом смысле. Эти штуки подвижны, текучи и быстры.

– Да вы просто клад, Светлана! – воскликнул Вячеслав.

– А я что говорил?!

Шаги капитана я услышала раньше, чем он появился в комнате. Собираясь додумать мысль о том, что Максим, оказывается, с кем-то меня обсуждает, я вдруг замерла. Озарение пронзило меня, словно копье, оставив тягучую негибкость в позвоночнике. Медленно, неуклюже я повернулась лицом к танатологу, к его глазам.

– Вы мне верите?!

Максим заполнил повисшую паузу бряцаньем посуды, которую переставлял с подноса на стол.

– Я верю вашим ощущениям. Если бы даже не верил собственным исследованиям и не верил Максу, то поверил бы вашему рассказу после того, как вы обошли комнату, Светлана. Я – медик. В силу своей профессии я знаю многое о том, как функционирует человеческое тело. Многое – о его физиологических возможностях. О возможностях замещения – в том числе. Вы свои используете превосходно. А что касается нашего случая – все логичные объяснения мною проверены и отвергнуты. Дело за теми, что не вписываются в привычную логику. Мой следующий вопрос: а вы сами-то что об этих существах думаете?

Ну, вот и настал момент моего позора. Не было у меня никаких объяснений. И версий, как выражается капитан, тоже не было. Воспринимать шакалов смерти на уровне теологии я просто не могла. Слишком реальными были встречи с ними. А другие варианты в мое сознание просто не помещались. О чем я Вячеславу и сообщила.

Чай оказался необыкновенно ароматным и вкусным. Маленькие округлые печенюшки таяли во рту. На какое-то время мы все замолчали, наслаждаясь едой. Тишину прерывали только попугаи, периодически поднимавшие звонкий крик, сменявшийся нежным воркованием. Быстрые ссоры и молниеносные примирения… Они были забавны. Их вовсе не волновало, что где-то в нашем пасмурном городе витают закапсулированные сгустки пустоты, терзающие человеческие трупы…

Глава 7

Дежин обменялся со Славкой короткими взглядами, подметив, что приятель чувствует в обществе Светы ту же неловкость, которую поначалу испытывал и он сам. Поверить в то, что обращенные на тебя глаза – незрячие, было невероятно трудно. Но сейчас девушка на них не смотрела. Глубоко задумалась и тянет очередной кружок печенья из стеклянной посудины.

«Умеет Вощин жить, – мелькнуло у Максима в голове. – В гостиной чистые джунгли с попугаями, на кухне – хайтек, в санузле – финская парилка, а в спальне небось публичный дом».

Зависти, конечно, в его мыслях не было. Каждый живет, как ему нравится. На что Максиму лес в квартире? Засохнет, да и все. Но при том, чем Славка с таким азартом и усердием занимался в Бюро, вторая жизнь – комфортная жизнь уже не казалась чем-то странным. Скорее, необходимым. Чтобы не свихнуться.

Дежину приходилось бывать в секционной, присутствовать при вскрытиях, и он каждый раз искренне недоумевал, как можно любить такое свое дело. Выполнять его добросовестно – да, тут и речи никакой нет, но – любить!.. А Славик Вощин именно любил. Душу в него вкладывал. Считался самым талантливым из судмедэкспертов Бюро и был на хорошем счету у начальства, что всегда непросто. Дежин вспомнил их первую встречу.

Февраль выстудил ледяными ветрами город, обнажив ледяную корку на тротуарах и дорогах. Младший лейтенант Дежин, стажер и новичок в дежурной следственно-оперативной группе, не успел даже раздеться, заступив на дежурство, как пришлось снова пыхтеть, застегивая куртку негнущимися с мороза пальцами – бригаду вызвали на труп. В машине висело угрюмое молчание – впереди маячила долгая ночь на колючем ветру. Труп мужчины обнаружила собачница в ближайшем к новостройке лесопарке. Дежин мысленно проклинал чертово племя любителей собак, которым даже в такую погоду дома не сидится, и старался запастись теплом в салоне старенькой «Газели». Тепла в железной коробке было маловато, и бригада прятала носы в воротники. Наверное, поэтому он и не заметил, откуда на месте происшествия возник долговязый парень в длинном, как у женщин, бежевом пуховике, для полного сходства перехваченном поясом на талии.

– Эт кто? – спросил Дежин у пожилого оперативника Михалыча, едва шевеля замерзшими губами.

– Новый судмед. Сегодня прислали, – мотнул Михалыч головой в мохнатой неуставной шапке.

Максим шмыгнул по инерции, нос замерз окончательно, и нужды в этом не было никакой. Долговязый терпеливо дожидался, когда его подпустят к скрюченному полуголому телу, на треть вмороженному в жесткий снег – на прошлой неделе была оттепель, вот сугроб и подтаял, а теперь замерз снова.

Следов возле тела было немного, да и те – собачьи. Толстенький лабрадор жалобно поскуливал возле машины следователя, который приехал почти одновременно с группой на своей «Субару». В ней было теплее, там и опрашивали свидетельницу, обнаружившую труп.

– Дежин, ты заснул, что ли? – окликнул его Михалыч. – Иди помогай экспертизе! Да ломик прихвати.

Издевается? Максим поглубже натянул шапку и побрел к недалеким фигурам коллег, проламывая корочку наста. Ветер не унимался и больно жалил в лицо. Капитан Иванов, следователь, пробежал мимо Дежина, пригнувшись и пряча лицо в поднятый воротник. Значит, осмотр трупа они закончили.

Судмедэксперт все еще сидел, согнувшись в три погибели, над трупом и бормотал что-то неразборчивое из-под капюшона. В его неправдоподобно белой руке был зажат прямоугольничек диктофона. По застывшему в сугробе телу бродил яркий свет фонарика, выхватывая то остекленевший белый глаз, то синюшную, словно курица из морозилки, шею, то аккуратную дырочку пулевого отверстия под левым соском. Руки бедолаги были заведены за спину и, вероятно, связаны, но увидеть это мешал снег.

– Все, – разогнулся медик, поднимаясь.

Он оказался на полголовы выше не обиженного ростом Дежина.

– Можно освободить тело ото льда, только будьте с ним аккуратны, прошу вас.

Максим даже оглянулся, чтобы убедиться – это ему предлагается освободить тело. Рядом никого не было. Следователь проводил опрос, Михалыч с лейтенантом Савиных и местным участковым ползали среди деревьев в поисках… Что они там искали? Этому мертвяку не меньше двух недель! Максим уставился на судмеда. Под капюшоном пряталось длинное худое лицо с острыми скулами и посиневшими губами. Губы улыбались.

– Да вы не переживайте, я помогу, здесь ведь больше просить некого?

Парень стянул с рук тонкие резиновые перчатки, и они полопались прямо в процессе снятия. Из кармана своего пуховика он извлек варежки – толстые, шерстяные варежки – и вопросительно посмотрел на Дежина:

– Чем мы его выколупывать будем?

Словечко было отличным. Подходящим к случаю. Максим вздохнул, буркнул «я сейчас» и побрел к машине за ломиком и саперной лопаткой, проклиная все на свете: ночь, отдаленное место, отсутствие рабочей силы, которую можно было бы озаботить выполнением подобной задачи. Ну, не Михалычу же с его радикулитом кайлом махать! И уж точно не капитану. И не криминалисту Людмиле Ивановне. Дежин был стажером и самым молодым сотрудником бригады…

Потом они долго отогревались в дежурном отделении, а Михалыч самолично принес им грамм по сто вонявшего на всю дежурку спирта в облупленных и покрытых несмываемым чайным налетом чашках. Ледяной человек из лесополосы так и остался неопознанным висяком, а Славик и Дежин проработали в дежурной бригаде еще одиннадцать месяцев. Оба зеленые и неоперившиеся, один – вчерашний курсант, второй – вчерашний студент. Шел две тысячи четвертый год.

… – И выходит, – услышал вынырнувший из воспоминаний Дежин, – что эти самые шакалы все-таки воздействовали на тела. На молекулярном уровне воздействовали.

Славик подался вперед и не сводил со Светланы горящего взгляда. Уши у него полыхали.

– Если бы подобный контакт произошел, пока они были живы, – продолжал вещать кандидат медицинских наук Вощин, – он послужил бы причиной их гибели. И это я еще способен понять, но что им нужно от трупов?

– Душу? – тихо и неуверенно спросила девушка.

Максим промолчал. Он догадывался, что может последовать за подобным вопросом, и не собирался углубляться в абстрактные теории, в которых к тому же мало что смыслил.

– Почему вы так решили? – быстро спросил Славка.

Голос приятеля зазвучал иначе – резче, суше, словно он не у себя дома с гостями беседовал, а в Бюро экспертизу проводил. Там его таким и знали – деловитым, собранным, дотошным.

«Все, вцепился», – обреченно вздохнул Дежин, готовясь защищать Светлану, но девушку ни вопрос, ни его интонация нисколько не смутили.

– А что еще? Разве можно сомневаться в том, что она у нас есть?

Славка с восторгом уставился на девушку, а Максим неожиданно поймал себя на том, что ему такое внимание Вощина к Светлане неприятно.

– Света, – нарушил он собственное решение не ввязываться в этот разговор, – я сколько угодно тебе примеров отсутствия души приведу. Вон, месяц назад, Слава не даст соврать, одна… женщина дочку свою, трехлетнюю, педофилу продала. Девочка погибла в результате. Что же это за души такие, где они?

– А я и не говорила, что души у всех белые и пушистые. Они ведь и черными бывают…

– Один – ноль, – усмехнулся Славка. – Но будем последовательны. Если допускать существование этих шакалов, то отчего бы не допустить и существование душ как чего-то ценного для них? Кстати, попытки научно обосновать наличие души делались неоднократно, и серьезные попытки, должен признать. Но это пока так никому и не удалось. Как, впрочем, не удалось и опровергнуть. – Он резко, по-птичьи склонил голову на длинной кадыкастой шее к плечу и хитро прищурился. – А говорили, что у вас нет теории…

Светлана развела руками:

– Да какая же это теория? Просто подумала: тогда, в хосписе, что такого могло остаться у Гарика, измученного, отощавшего, надломленного? Только душа… А душа у него была, это я точно знаю!

– Стоп-стоп! – Максим привстал с мягкой подушки, служившей сиденьем на твердых переплетениях прутьев. – Славка, что ты там говорил про контакт с живым человеком? Типа, он бы человека убил? А как тогда вышло, что Света цела и невредима после того, как собой прикрыла парня? Того единственного, чье тело у тебя не вызвало интереса.

– А вот это – вопрос! Настоящий! Собственно, мы добрались до сути того, зачем я вас пригласил, Светочка.

«Светочка» царапнуло Дежину слух, но он сдержался. Высказывать и даже показывать недовольство было глупо. Откуда оно вообще взялось? Вощин всегда был удивительно галантен с женским полом, но это никак не влияло на его личную жизнь. Он оставался бобылем.

– Да?

Девушка насторожилась.

Максим заметил, как крепко сжались ее пальцы на подлокотниках кресла.

– Ну… да, – сдулся Вощин. – Я хотел попросить вас поучаствовать в одном эксперименте…

«Умный, а – дурак!» – подумал Дежин и вмешался, пока Славка все не испортил окончательно:

– Света, мой ученый друг хотел попросить тебя пожертвовать капельку крови на благое дело. У него мощная лаборатория в Бюро. Что-то же позволило тебе остаться невредимой? Помоги нам разобраться, что это может быть?

– Конечно.

Вот так просто? Никакого испуга? Никаких возражений? Максим и Славик переглянулись.

– Вам кто-нибудь говорил, что вы – удивительная девушка? – поинтересовался Вощин, вырастая, вздымаясь из кресла всеми своими ста девяносто шестью сантиметрами. – Нет? Ну, так я вам ответственно заявляю, Светлана, вы – чудо. Во всех смыслах.

Он закончил свою напыщенную тираду и склонился к Светланиной руке, отсвечивая Дежину в лицо проплешиной в изрядно поредевшей и поседевшей шевелюре. Максим сердито засопел. Тридцать девять лет мужику, а все позерствует!

Капелькой крови Вощин не ограничился. Быстрыми и точными движениями ввел в тонкую руку Светланы иглу и с довольным видом оперного Дракулы унес целых две герметичных пробирки.

За окном совсем стемнело. Пора было откланиваться и возвращать девушку домой, но Дежин тянул, сопротивляясь настойчивым доводам разума. Отчего-то казалось, что они гово-

рили не то и не о том, а что-то важное так и осталось невысказанным. Светлана сама разрешила его сомнения. Она достала телефон, и неживой голос сообщил, что времени уже ох как много: двадцать два часа сорок пять минут!

Сначала ехали молча. Максим не мог отделаться от мысли, что упустил нечто важное, и это ощущение не позволяло отвлечься. Он гонял и гонял по мысленному кругу то, о чем они говорили у Вощина.

– Интересный у вас друг, – прервала тишину Света.

Друг? Дежин никогда не думал о Славке как о друге. Приятель. Коллега. Как-то так сложилось, что близких друзей у него не оказалось. Работа отнимала все время и мысли, а жизнь давным-давно развела с теми, кто мог бы на эту роль претендовать. Пожалуй, Славка как раз и был ему сейчас ближе всех.

Не дождавшись ответа, она продолжила и совершенно неожиданно заговорила о том, что терзало самого Максима:

– Вячеслав, несомненно, опытный специалист, но мне показалось, что сейчас я даже меньше понимаю, чем раньше. Как будто цель поиска удаляется, как будто круг становится слишком широким. Может быть, я непонятно объяснила?

Она смущенно подняла вверх открытые ладони.

Жест выглядел беззащитным, и Максим поспешил ответить:

– Ты права. Я чувствую что-то похожее. Мы тянем веревку не за тот конец. Все началось в «Уюте». К «Уюту» и нужно вернуться.

Озвученная, мысль его успокоила.

– А как продвигается это дело? – поинтересовалась Света.

«Как-как? Никак!» – раздраженно подумал Дежин. И тут же постарался взять себя в руки. На прошлой неделе у него прибавилось других хлопот, и дело по стрельбе в «Уюте» топталось на месте, грозя превратиться в очередной висяк, за который ни его, ни его группу по головке не погладят. Он устал, но Света здесь была ни при чем, и срываться на нее он вовсе не собирался.

– Честно говоря, это сведения, которые я не должен разглашать. Но ситуация здесь особая… – Дежин помедлил. – Не продвигается дело, Света. Никто не заявил о пропаже нашего неизвестного, нигде не всплыл ствол с похожими баллистическими характеристиками, и даже после всех экспертиз, которые готовы на сегодняшний день, сведений у нас крайне мало. А то, чем занимается Слава, исследуя тела из хосписа, – вообще голая самодеятельность и попахивает должностным преступлением. Ни я, ни он не можем явиться к начальству и доложить – так, мол, и так, у нас в городе орудует нечто, искажающее картину посмертного состояния тел.

– Но ведь должно же быть у убийцы и того, за кем он гнался, что-то общее, кроме запаха?

Дежин похолодел. Бросил быстрый взгляд в зеркало и перестроился к обочине. Машина замерла под фонарем на пустынной улице.

«Как? Как это могло проскочить мимо моего внимания? Я читал протокол опроса сто раз! Я сто раз разговаривал с ней!»

– Света, прости. Мне нужно сделать звонок, – пробормотал удивленной Светлане Максим, а в трубке уже наигрывал Шопен.

С чувством юмора у Вощина было не очень.

Глава 8

Научно-производственные корпуса завода «Фармком» располагались за монументальным кирпичным забором допотопной фабрики. Часть старинных зданий из потемневшего от времени красного кирпича уцелела под натиском нового века и строгих требований к специфике производственного процесса «Фармкома», а часть была отстроена с нуля из практичных сэндвич-панелей серого цвета и архитектурными изысками не радовала. Трехэтажное административное здание, увенчанное башенкой с часами, выглядело ухоженным и пряталось в тени старых тополей.

На втором этаже, в пустой приемной генерального директора «Фармкома», секретарша Милочка (Милена Игоревна по паспорту) испуганно тараторила в микрофон интеркома:

– Олег Ефимович, минуту назад позвонили с проходной. Машина босса проехала на территорию.

«Фармком» охранялся как режимный объект, и попасть на него незамеченным не мог никто, даже владелец предприятия. Из интеркома послышался режущий нежное Милочкино ухо писк, и голос начальника ответил:

– Понял, спасибо. Отменяй все встречи и будь готова.

По опыту Милочка знала, что визит большого босса мог означать готовность к чему угодно: от чашечки редкого дорогого чая, который держали специально для него, до внезапного увольнения. Она машинально поправила и без того идеальную прическу, сунула ноги в туфли на двенадцатисантиметровых каблуках, которые тайком снимала, когда сидела за дубовой стойкой приемной, и приготовилась к встрече важного гостя, нацепив на лицо самую доброжелательную из своих улыбок.

Дверь распахнулась, и в приемную румяным колобком вкатился низенький полный человечек в дорогом костюме. Его большая залысина была покрыта нездешним загаром, лицо светилось здоровьем, но цепкий взгляд небольших прищуренных глаз наводил на мысли о двустволке. Следом за боссом в приемную вошел еще один человек, которого Милочка раньше никогда не видела. Высокий, широкоплечий, с мрачной физиономией уголовника. Он немного сутулился и держал руки в карманах кожаной куртки.

Милочка, выскользнувшая навстречу гостям из-за неприступной преграды стойки, почувствовала себя неуютно.

– У себя? – не задерживаясь ни на секунду спросил низенький и направился прямиком к директорской двери, лишая Милочку возможности предупредить Олега Ефимовича.

Его спутник и вовсе не удостоил секретаря даже взглядом.

Что происходило за закрытой дверью добротно обставленного кабинета, Милочка не знала. В течение пятнадцати минут она напряженно вслушивалась в тишину – звукоизоляция в метровых стенах административного здания была на высоте.

Дверь распахнулась неожиданно, заставив секретаря вздрогнуть. Босс бодро выкатился из кабинета, бесшумно ступая начищенными туфлями по серовато-бежевому ковролину приемной. Милочка пролепетала что-то вроде «уже уходите?», но так невнятно, что едва услышала себя сама. Язык плохо повиновался испуганной женщине – из кабинета донесся протяжный стон. Спутник босса все еще оставался там вместе с Олегом Ефимовичем, а он сам, не опускаясь до бесед с Милочкой, пересек приемную и исчез за дверью в коридор.

Вскоре после того пугающего визита, в результате которого Олег Ефимович уехал домой с разбитым носом и целую неделю не появлялся на рабочем месте, один из заброшенных одноэтажных корпусов в самом удаленном конце обширной заводской территории, похожий на приземистый склад, ожил. Что там происходило в точности, Милочка не знала, но несколько раз видела сворачивающие в глухой проезд фуры то ли с оборудованием, то ли со стройматериа-

лами. Оказалось, что здание взяли в аренду, и заправлял там теперь тот самый неприятный человек, который приезжал вместе с боссом. Впрочем, Милочка видела его не часто, поскольку непосредственно к «Фармкому» этот тип по фамилии Верняков отношения не имел.

Когда Дежин направлял одежду неопознанного трупа из «Уюта» на судебно-химическую экспертизу, он никак не предполагал, что столкнется с такой загадкой. Ответ из лаборатории пришел, когда Максим, сердито сопя, набивал отчет по практически завершенному предварительному следствию дела четы Макаровых, которое закончилось поножовщиной и смертью семидесятилетнего пенсионера – соседа буйной парочки. Дело можно было отправлять в суд.

Дежин, которого мучило осознание того, что в положенные для предварительного следствия два месяца убийство в «Уюте» никак не укладывается, воспрял духом, но лишь до того момента, пока не наткнулся взглядом на хорошо знакомое слово в заключительной части шестистраничного акта экспертизы. В списке веществ, обнаруженных на одежде убитого. Почти перед каждым пунктом названий, состоящих в основном из трудночитаемой тарабарщины, понятной лишь специалистам, значилось – следы. Количество этих следов исчислялось сотыми, а где-то и тысячными долями грамма, и только пункт пять, формальдегид, был обозначен в изрядной концентрации. Присутствие тут же следов метилового спирта позволило эксперту сделать вывод, что в первоначальном состоянии, до высыхания, вещество являлось формалином. Выглядело это так, словно хозяина куртки «серой спецовочной, без логотипа фирмы-изготовителя», таких же брюк и «джемпера черного, полиэстер-вискоза, производства КНР» уронили в лужу с этим самым формалином. Местами наибольшей концентрации формалина были левая лопаточная область спины, плечо и верхняя часть левого бедра. На одежде также имелось довольно много следов различных химических и органических соединений, самым странным из которых Дежину показался березовый деготь высокой степени очистки.

Тоскливо оглядев кабинет – каморку три на четыре метра с высоко расположенным окном, – Дежин потянулся к телефону.

Славик Вощин на звонок не ответил, и Максим, чертыхнувшись, написал ему сообщение с просьбой перезвонить срочно. Еще раз пробежав глазами список веществ в заключении, он попробовал связаться с незнакомым ему экспертом, который подписал акт, но и тут его ждала неудача – абонент находился вне зоны действия сети.

«Что за день?» – подумал Максим и, добавив вслух непечатное, зато сбрасывающее раздражение словцо, поднялся из-за стола. Выключаясь, компьютер укоризненно пискнул – видимо, недописанный отчет тревожил его бюрократическое естество. Канцелярию Дежин терпеть не мог, но куда деваться, если заполнение форм, запросов, протоколов и написание отчетов составляли едва ли не половину его работы? Окончательно решив, что сегодня он к писанине не вернется, Максим направился к двери. По многолетней привычке машинально оглянулся с порога.

«Сейф заперт, компьютер выключен, окно закрыто, стол пуст», – закончив чтение своеобразного чек-листа, он запер дверь и спустился этажом ниже, где отыскал вернувшегося из ветеринарной аптеки Василия.

– Вот, держи. Скажи хоть, за каким чертом тебе этот деготь понадобился? – прогудел так и не избавившийся от насморка лейтенант.

«Аллергия у него, что ли?» – ни с того ни с сего озаботился простудой коллеги Дежин, разглядывая приплюснутую с боков пластиковую бутылочку, стоявшую на столе. Донышко застенчиво прижимало край пакета со стилизованным изображением собачьей морды и кассовый чек. «Деготь березовый, 500 мл, произведено: Нижневеренский ФК», – гласила скромная этикетка.

– ФК – это что такое? – задумчиво поинтересовался Дежин.

Василий сунулся к бутылочке, добрую половину минуты поизучал этикетку и выдал, хохотнув:

– Футбольный клуб? А что? Так и вижу бравых деревенских битюгов, ради спорта побросавших дреколья… березовые. Где этот Нижневеренск? Никогда даже не слышал о таком.

– Ладно, не важно.

Максим сунул бутылочку в пакет и расплатился с лейтенантом. Делиться своими планами относительно использования дегтя он пока не собирался.

Славик позвонил через час.

– Макс, что стряслось? – выдал он вместо приветствия.

– Вотсап открой, я тебе фото страницы химэкспертизы отправил. И – привет вообще-то, – пробурчал Дежин.

Он метался по коридорам своего отделения, не в силах думать ни о чем, кроме полученного акта экспертизы, и сам себе напоминал льва, запертого в тесной клетке.

– Перезвоню, – лаконично ответил Вощин и отключился.

Размеры клетки еще уменьшились. Максима распирало острое предчувствие близкой разгадки. Ожидание становилось непереносимым. Остро захотелось на свежий воздух, и он почти бегом устремился к лестнице.

– Капитан Дежин!

Максим застыл на середине пролета, словно его, как огромную бабочку, пришпилили к ступеням ледяной сталью булавки. Бабочка сколько угодно может трепетать крыльями, но точно никуда не улетит – она попалась. Навстречу Дежину медленно поднимался по лестнице полковник юстиции Красников, и тяжелый взгляд его непроницаемо-черных глаз не сулил капитану ничего хорошего. В памяти последнего всплыли все грехи разом: и то, что он затянул с отчетом, и то, что убийства в «Уюте» так и повисли в начальной стадии расследования, и то, что мать бармена Иванцова уже дважды приходила к Красникову, а потом накатала телегу в прокуратуру… Выручила полицейская сирена звонка. Максим поднял руку с зажатой в ней трубкой и с огромным облегчением выпалил:

– Это из Бюро судебной экспертизы, товарищ полковник, по трупу неизвестного из кафе. Я отвечу?

Широкие брови начальства сошлись в прямую линию, скрывая глубокую поперечную морщину между ними.

– В понедельник в девять жду вас с докладом, Дежин.

Максим кивнул и устремился мимо начальника отдела, перемахивая через две ступеньки, умудрившись одновременно громко и четко ответить озадаченно молчавшему Славику:

– Капитан Дежин слушает.

– Что там у тебя? Говорить можешь? – зачем-то понизил голос Славик.

– Забей, все нормально, – отмахнулся Дежин. – Посмотрел?

– Взглянул. Забавный набор юного химика.

– Мне не до шуток. После выходных с меня кожу живьем сдирать начнут. Есть мысли?

– Мысли у меня есть всегда!.. – почти торжественно изрек Вощин. – Где встретимся?

– Давай на нейтральной? Мне еще кое-куда заехать нужно будет, – предложил Максим. – И вот еще что. Можешь мне пузырек с формалином привезти?

– На кой? – живо отреагировал Вощин.

– У меня тоже иногда мысли бывают, – туманно ответил Максим.

– Ладно. В шесть, в «Розе».

– Принял.

Максим кивнул дежурному офицеру у вертушки и вышел на улицу. На город наползала серая туча, пригибая все живое к пыльному асфальту предгрозовой свинцовой тяжестью.

Глава 9

Капитан позвонил через четыре дня после нашего визита к Вячеславу. Была суббота, да и смена не моя, так что я слушала аудиоверсию «Белой гвардии», забравшись с ногами на кровать, когда запись прервалась.

– Света, привет! Погода прекрасная, не хочешь прокатиться в одно чудесное место?

Честно говоря, я вовсе не имела ничего против прогулки, и мне действительно хотелось узнать, что смог раскопать капитан, но какое-то нелепое упрямство взяло верх:

– Здравствуйте, Максим. Не хочу, но ведь придется?

– Ну, зачем ты так? Силком не потащу, – неожиданно сдал назад Максим.

– Буду готова минут через двадцать, – быстро проговорила я и сбросила звонок, пока не ляпнула еще что-нибудь лишнее.

Кокетничанье – не мое. Совершенно не умею этого делать. Ругая себя последними словами, я застыла перед шкафом. На этот раз помогать мне с выбором одежды было некому, мама уехала за город к подруге на дачу и раньше завтрашнего вечера возвращаться не собиралась. Пробежав пальцами по свисающим с плечиков вещам, я ощутила прохладное прикосновение шелка. Да! Эту блузу я выбрала сама в прошлом году, именно за ее струящуюся, текучую гладкость. Мама сказала, что васильковый мне идет, и с тех пор блуза ждала удобного случая. Решив, что одной яркой вещи в туалете вполне достаточно, я ограничилась брюками вместо привычных джинсов, а вместо кроссовок – пусть удобных, но не подходящих к брюкам – вытащила из обувного шкафчика кожаные полукеды, которые не любила за жесткий нос. Причесавшись и затянув хвост повыше, я уселась в коридоре ждать звонка от Максима, глупо продолжая делать вид, что мне всего-навсего интересно, как продвигается следствие.

«Не ври себе, Светка! Ты же обрадовалась, когда он позвонил! Тебя даже сигаретный дым с соседского балкона больше не бесит, а вгоняет в задумчивость…»

Додумать не дал капитан. Он позвонил и сообщил, что ждет внизу.

Максим стоял возле парадной. Я почувствовала его запах, едва перешагнув порог, раньше, чем он обнаружил свое присутствие голосом:

– Привет, я здесь. Машину припарковать некуда, все забито. Так что придется побыть провожатым.

Меня сердила навязчивая помощь, но и такое понимание моих внутренних тараканов тоже не забавляло. Неужели я настолько прозрачна?

На улице было почти двадцать градусов, птицы праздновали весну, больше похожую на начало лета, перепархивая с ветки на ветку прямо у нас над головами и оглушительно щебеча. В старых дворах, таких как в нашем микрорайоне, деревьев было много. Капитан загадочно помалкивал, просто шел рядом, на четверть шага впереди меня, а я, сообразив, что и сама ни слова ему не сказала, начала разговор первой:

– В какое чудесное место поедем?

Он хмыкнул.

– Не скажу, эффект испорчу, но обещаю – тебе понравится.

– Хорошо, доверюсь вашему слову, – начала я.

Но Максим внезапно перебил:

– Света, может, уже на ты? Как-то по-дурацки получается…

Я нарочно наткнулась тростью на прекрасно известный мне провал в асфальте – каждый год его латали, и каждый год, весной, он возникал на том же месте снова – и сделала вид, что занята его изучением, медленно двигаясь вдоль края так, чтобы яма оставалась между нами. Это было трудно – объяснить капитану, почему я не перехожу на ты. Меня пугала эта перспек-

тива. Такое сближение с капитаном – а я воспринимаю обращение на ты как отсутствие неких границ, сознательный допуск собеседника в свое личное пространство, туда, где становлюсь уязвимой, – означало бы, что я определилась в своем к нему отношении. А это было не так, совсем не так! Я лихорадочно соображала, как ответить, а когда мы снова оказались рядом, неожиданно для себя самой выдала:

– Хорошо.

– Вот и славно! – повеселев, заявил Максим и остановился.

Пискнула сигнализация, и он распахнул для меня пассажирскую дверь.

– Прошу!

«Что происходит?» – паническая мысль едва не заставила меня выскочить из машины.

Усаживаясь спиной, я придавила что-то, лежавшее на сиденье. Какой-то пакет, который громко зашуршал. Цветы?! Я потянула из-под себя длинный рулончик букета, завернутого в целлофан, и повернулась к капитану. Щеки начинали гореть, и вовсе не от праведного гнева. Такого жгучего смущения я еще никогда не испытывала, но ведь и цветов мне прежде не дарили.

Капитана возле двери не было. Мне понадобилась целая секунда, чтобы сообразить, что он обошел машину и курит с водительской стороны салона. Запах сигарет привел меня в чувство. Растерянная, не зная, смеяться или плакать (так вот о чем эта идиома!), я уткнулась лицом в упругие лепестки. Их было семь. Семь крупных роз на жестких длинных стеблях. Пахли они легко, тонко. Не было оглушающего аромата, как у цветущего шиповника или садовых роз.

И что мне теперь делать?

Делать, конечно, ничего не пришлось. Я пробормотала капитану «спасибо», когда он наконец сел за руль. Сосредоточившись на том, чтобы выехать из заставленного машинами проезда, он ничего не ответил. В салоне повисло неловкое молчание. Мне хотелось бы знать, чего ради Максим одарил меня букетом и почему сам явно этого стесняется, но спросила я только:

– Какого они цвета?

– Белые.

Я так и думала. Вот почему аромат показался таким утонченным, таким подходящим белому цвету. Значит, у нас свидание? Или нет? Что бы я в этом понимала!

– Как получилось, что ты стала работать массажисткой? – неожиданно прервал молчание капитан.

– Массажистом, – машинально поправила я, гадая, что еще успел разузнать обо мне капитан. – Случайно. Я ведь собиралась быть педагогом. Думала работать в интернате… Это все Гарик. Года четыре назад он ездил в Китай, куда-то в горы, конечно. Он легко сходился с людьми, везде встречался со слабовидящими, вот там и познакомился с мастером Вэнь. Мастер – не тотал, как мы, но почти не видит, вот только к нему люди со всего света на массаж съезжаются. Как и почему Вэнь оказался вместе с Гарькой в России, я толком не поняла, но, когда мы познакомились, мастер Вэнь сам в меня вцепился. «Ты, – говорит, – талант имеешь. Чутье. Большой грех и большая беда этого не замечать. Я должен тебя учить». И четыре месяца занимался со мной.

– Он русский знал?

– Нет. С ним была переводчица, Сюинь. Хорошая девушка, очень терпеливая и спокойная. Сам-то Вэнь – дядечка резкий.

Я вспомнила, как поражал меня контраст чутких рук мастера и его речи. Тот же самый китайский, который в устах Сюинь звучал как музыка, у Вэня хрипел и лаял сердито и отрывисто.

– Я не сразу поняла, чего он от меня хотел, а когда поняла, когда почувствовала, как прямо под моими руками расслабляется, вздыхает благодарное тело человека, Вэнь сказал: «Все, Минчжу, я закончил». И уехал буквально на следующий день.

– Минь… что? – переспросил Максим.

– Минчжу. Так он меня называл. Потом уже, когда я решила всерьез заняться массажем, пришлось углубиться и в анатомию, и в биомеханику человека, и сертификат получить. Но после уроков мастера Вэнь это было совсем не сложно. А как ты стал следователем?

Максим хмыкнул. Машина остановилась перед очередным светофором, и, слушая звуковой сигнал для слабовидящих, которыми в нашем районе не мог похвастаться ни один переход, я поняла, что мы уже где-то в центре города.

– Я прямо из армии в школу милиции пошел. Отец заставил. – Капитан помолчал и смущенно признался: – Ну, не то чтобы заставил силком, я и сам был не против. Наивным был. Думал, что могу что-то изменить…

– Звучит так, словно ты жалеешь.

– Жалел одно время, но потом привык. Да и поздно что-либо менять. Мы почти приехали.

Почти – значило именно почти. Добрых пятнадцать минут Максим искал место для парковки, а когда нашел, велел сидеть и пока не выходить.

Я послушно ждала, пытаясь по звукам определить, куда же он меня привез. Были слышны далекие крики, взрывы смеха, много детских голосов, какие-то механические шумы, но в закрытом салоне машины мне приходилось неимоверно напрягаться, чтобы выделить звуки из общего шума. Фон у шума был радостный. Настолько, что я задумалась: неужели в городе праздник?

– Выходи осторожно, – сказал Максим и добавил: – Руку дай. Здесь очень мало места, дверь нормально не открыть.

Визги, гвалт, музыка – много разных мелодий одновременно – меня совсем смутили.

– Где мы?

Я выбралась из машины и сразу наткнулась на нагретый солнцем бок чужого авто. Максим потянул меня вперед, и я, словно рыба на крючке, последовала за ним, зажимая под мышкой бесполезную трость.

– Осторожно, поребрик.

– Ну, все, хватит!

Я опустила трость, почти не слыша ее стука – вокруг хохотало, кричало и грохотало.

– Ты на карусели каталась?

О! Я глупо приоткрыла рот. Парк аттракционов? Он шутит?

– Давно, когда маленькая была.

– Повторим?

Я тупо стояла на месте, пытаясь справиться с разноречивыми чувствами. В голове вертелось язвительное «А что, у меня есть выбор?», но сердце зачастило в предвкушении – значит, все-таки свидание! Сердце не желало знать ответов на дурацкие вопросы, типа, с чего это он? Что, вокруг мало нормальных зрячих девиц? Почему на карусели? Господи, ну не в кино же меня приглашать! Я кивнула, опасаясь открыть рот. Во внутренней борьбе мог победить и язык, выболтав что-нибудь из моих суматошных мыслей…

– Тогда – вперед! – с энтузиазмом, который показался мне слегка преувеличенным, сказал капитан и, мягко, но уверенно завладев моей ладонью, потянул за собой.

Да. С тростью мне пришлось бы сложновато. Слишком много людей двигалось нам навстречу и параллельно. Я слышала, как по краю широкой аллеи проезжают велосипеды, пощелкивают колесики досок, шныряющих прямо в толпе. Вжух! Только воздушная струя обдает тело, а скейтбордист уже исчез… Гомонили дети, где-то визгливо лаяла маленькая

собачка, скрипели, жужжали, гудели моторами аттракционы… Громко щелкали ружья в тире, мы как раз проходили мимо. Я вздрогнула. Пусть это был совсем другой звук, почти безобидный, и все же на меня вдруг повеяло холодком. Лавина окружающего шума отдалилась, затихла, а сухие выстрелы стали четче, громче.

Максим притормозил, вынудив меня остановиться. Я словно очнулась, сообразив, что изо всех сил вцепилась в его руку. С трудом расслабив пальцы, я попыталась улыбнуться, но теперь он сам сжал мне пальцы.

– Это выстрелы, да? Тебя пугает звук?

– Нет, не звук. То, что потом… Я не знаю, просто напомнило, – почему-то принялась оправдываться я.

– Ты ведь никогда не стреляла, верно? И оружие наверняка в руках не держала?

– Нет, конечно. Как ты себе это представляешь?

– Ладно. Пойдем дальше. Здесь не очень подходящее место для такой практики. Слишком шумно. Высоты не боишься?

Он что, решил докопаться до моих страхов? Тогда начинать нужно было с другого конца. С некоторых пор я боюсь смерти.

– Не боюсь.

– А как ты ее вообще чувствуешь, высоту? – вдруг спросил Максим.

– Ну…

Я задумалась. Как объяснить свои ощущения?

– На высоте легко дышать. Даже в лифте. Как будто становится больше воздуха. А если это открытое пространство, то кажется, что мир распухает, исчезают стены, даже голова начинает кружиться, но не болезненно, а наоборот, радостно…

– Ого. Хорошо, а скорость – как ты к ней относишься?

Я пожала плечами.

– Равнодушно, если честно. В этом плане я очень зависима, ничего не контролирую. Машина, поезд – не важно, – тут или всегда бояться, или просто не обращать внимания. Но восторга не испытываю, если ты об этом.

– Тогда готовься, будем учиться испытывать восторг, – совершенно серьезно заявил мой поводырь, продолжая настойчиво тащить меня сквозь настоящую толпу народа.

Вопли и грохот. Металлический лязг. Громкая музыка и отчетливые волны восторга и ужаса. Я замедлила шаг. Мне это точно надо?

– Максим?

Я умудрилась оформить сомнения одним словом.

– Не бойся.

Вот так вот. Только руку сжал покрепче. Грохочущая на манер поезда штуковина остановилась напротив нас где-то впереди.

– Пойдем.

– Девушка, палку оставьте! Потом заберете, – остановил нас ломающийся басок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.